

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.

БѢСОВСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ.

(ГУБЕРНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ).

I.

НАШИ ПРАВЫ ДО ПРИШЕСТВІЯ БѢСА.

«Дружина храбрая впередь, дирекція на-право!»

— Посылали на почту?

— Не бывала... до сихъ-то поръ, представьте!.. ужасно!..

— Дорога плоха.

— Знаю, что плоха... да вѣдь трое сутокъ... ужасно!

— Вы давно-ли посылали?

— Часъ — больше не прошло. Да вотъ пошлемте опять...

Ванька, а Ванька!..

Отвѣта не было.

— Ванька! что ты, скотина, спишь тамъ?

— Слушаю-съ... отозвался наконецъ Ванька хриплымъ голосомъ и показадся въ дверяхъ.

Онъ съ просонья глядѣлъ какъ-то мрачно изъ подлобья: у этого малаго лѣтъ двадцати, отъ скуки и побоевъ, развилась непомѣрная апатія ко всему и непреодолимая спячка; онъ ожирѣлъ, обрюзгъ съ лица, и стоило ему прислониться къ стѣнѣ, облокотиться на перила

дѣстницы—сонъ уже смежалъ его вѣжды и носъ издавалъ звонкій храпъ.

— Сходи, узнай—почта не пришла-ли, да живо у меня.

— Да почтмейстеръ сегодня и ходить не велѣлъ: пусто, говорить, и ходить не по что, не будетъ сегодня газетъ...

— Ты не разсуждай, скотина, и дѣлай, что тебѣ приказываютъ. Я вотъ съ тобой раздѣлаюсь, — къ Черничкину тебя отправлю. Пошелъ!

Ванька пошелъ. Черезъ четверть часа онъ вернулся: почта пришла, да не разобрана, газетъ сегодня не даютъ.

— Эка скотина, этотъ почтмейстеръ... Постой, Ванька,—я записку напишу Федору Ивановичу, почтмейстеру: попроси...

— Да онъ ругается, и ходить сегодня не велѣлъ.

— Молчи, осель! — Пошелъ! Ванька опять пошелъ.

— Нечего больше съ ними дѣлать: надо будетъ этого балбеса къ Черничкину отправить...

Частный приставъ Черничкинъ былъ весьма почтенною и полезною личностью въ глазахъ мѣстныхъ жителей за необычайное умѣнье «баню задавать».

Разговоръ прекратился на нѣкоторое время.

— А Севастополя не взять!..

— Ни за что... Это крѣпость, я вамъ скажу, незыблемая. Другой такой крѣпости во всей Европѣ нѣтъ...

— Гибралтаръ развѣ...

— Что Гибралтаръ, и въ подметки не годится Севастополю. Это твердыня, одно слово.

— Однако Гибралтаръ, какъ изъ описанія видно...

— Не говорите, Константинъ Александровичъ, — Гибралтаръ совсѣмъ не то. Это твердыня непоколебимая:

Ужъ какъ французкѣ ни юлить,
Какъ англичанинъ ни мудрить,
Какъ чалмоносецъ ни глушить,
Напрасно все: стоитъ понынѣ
Севастопольская твердыня!

Вонъ оно что! А Гибралтаръ совсѣмъ не то—куда! Ну, да ужъ русскіе воины и постоять умѣютъ за себя!..

Хозяинъ загорячился, закашлялъ и застучалъ костылемъ. Это

былъ помѣщикъ пожилыхъ лѣтъ, гладко остриженный, съ длинными, въ низъ опущенными, усами, придававшими ему видъ воинственный, по фамиліи Колобродинъ; онъ облакачивался на костыль и, разговаривая, размахивалъ правой рукой, особенно когда приходилъ въ азартъ, что случалось нерѣдко. Въ городѣ его называли «баши-бузукомъ»

Гость—тоже помѣщикъ, по фамиліи Левкинъ, — былъ моложе хозяина, но голова его преждевременно посѣдела, а брови и усы сохранили темный цвѣтъ; онъ отличался театральностью, нѣкоторой торжественностью манеръ, и тогда корчилъ изъ себя русскаго боярина такъ же, какъ потомъ сталъ корчить англійскаго сквайра.

Газеты были принесены.

— Отдалъ?..

— Отдали, да говорить: дурачье вы и съ бариномъ-то, лѣзете не во время...

— Ты не разсуждай, мерзавецъ, — вонъ пошелъ. Вотъ я тебя завтра къ Черничкину отправлю — ужъ за все разомъ.

— Скотина, этотъ Утюговъ: людей только портить.

Хозяинъ принялся усердно распечатывать и просматривать Московскія вѣдомости. Гость не отставалъ, но не обнаруживалъ сильнаго нетерпѣнія, — даже остановился на какой-то, вовсе не политической, статьѣ, а просто на «замѣткѣ для винокуровъ»: Левкинъ слылъ агрономомъ и устроилъ у себя въ имѣніи винокуренный заводъ, что въ то время у насъ считалось дѣломъ новымъ, за что его считали — одни умнымъ человѣкомъ, другіе — дуракомъ.

— Стоить, стоять!... восклицалъ Колобродинъ, разсматривая одинъ N.

— Стиховъ нѣтъ ли?

— Есть...

— Прочтите-ка...

Левкинъ кашлянулъ и прочелъ стихотвореніе.

— Безподобно!... Вотъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ тоже какой-то Корчагинъ очень смѣльные стихи написалъ... Пойдите, вотъ я сейчасъ найду... Колобродинъ отыскалъ грязный N губернскихъ вѣдомостей и, размахивая руками, и пристукивая костылемъ, пропѣвалъ стихи доморощеннаго поэта, окончательно раскричавшись въ концѣ, — да и надо было раскричаться, читая такія угрозы врагамъ:

Странлицъ исторіи позорныхъ
 Никто во вѣки не сотретъ,
 И о дѣяньяхъ вашихъ черныхъ
 Потомокъ поздній вашъ прочтетъ,
 Прочтетъ — а слово отверженья
 Провнесутъ его уста,
 И ошъ, какъ я, однимъ презрѣнемъ
 Почтить измѣнниковъ креста!

— Безподобно!

— Я, Константинъ Александрычъ, велѣлъ дочери моей собирать всѣ патріотическіе стихи въ особую тетрадку. Каждый день послѣ обѣда собираемся всей семьей и читаемъ два-три стихотворенія. Пріятно, и духъ какъ-то возвышается.

— Двѣнадцатый годъ повторяется, — война за вѣру...

— Да, народная война, вся Русь встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, чтобы ринуться на врага.

— Прочитайте-ка, прочитайте, что изъ Севастополя-то пишутъ...

Умилительно было видѣть этихъ почтенныхъ людей, уже украшенныхъ сѣдиной, съ юношескимъ восторгомъ декламирующихъ стихи, собирающихъ эти стихи въ особую тетрадку... Умилительно!

Входитъ новый гость: мѣстный литераторъ Медвѣдевъ, редактирующій губернскіе вѣдомости и состоящій при начальникѣ губерніи въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, длинновизый, неуклюжій господинъ, не первой молодости.

— За газетами! — я такъ и ожидалъ... А мы вотъ патріотическій спектакликъ затѣваемъ — изъ любителей.

— Доброе дѣло, Александръ Юрьичъ, доброе дѣло. Кровь льется: жертвы необходимы. Отлично вы затѣяли. Когда же это будетъ?

— Да, по возможности, скорѣе.

— А участники?

— Вашъ покорнѣйшій слуга, князь Лебедкинъ, вашъ братъ конечно, всѣ Коробкины, безъ нихъ уже нельзя.

— Непремѣнно слѣдовало это устроить. Вездѣ дѣлаютъ. Это будетъ подвѣльнѣе корші, затѣянной М-ше Флигель: корпія конечно вещь пригодная, но малоцѣнная.

— Пустое дѣло!

— Умничанье Настасьи Александровны, и больше ничего.

— Театръ, который дастъ значительный сборъ, дѣло совсѣмъ иного рода. А корпія вздоръ...

— Положительный вздоръ. Мои дочушки тоже затѣяли было приняться за эту чепуху—я имъ прямо запретилъ. Лучше я по полтиннику съ души прикажу старостѣ собрать и внесу въ пользу раненныхъ. Принялись было и мои: какъ-же, всѣ корпію дергаютъ, — мода! Такъ-таки положительно и запретилъ.

— Слышалъ я, лукаво замолвилъ Левгинъ: М-ше Флигель жаловалась мнѣ, что вы ея дѣлу мѣшаете... Не онъ, говоритъ, выдумалъ, такъ и злится!...

— Дура! она воображаетъ, что ея умнѣе нѣтъ, она выдумала—значить и хорошо. Своимъ шифромъ екатерининскихъ временъ все пишется.

— Театра она не одобряетъ-съ.

— Дура! — театръ дѣло самое приличное для дворянства. Надо только что нибудь патриотическое припустить, чтобы духъ возвышалось...

— Не беспокойтесь: стихи будутъ!

— Ну, то-то.

Помолчали.

— Что въ газетахъ-то новаго? спросилъ Медвѣдевъ, разваливаясь на диванѣ.

— Что новаго? Севастополь стоитъ!

— Есть частныя извѣстія, что сдать хотятъ...

— Не можетъ быть!

— Ничего нѣтъ невозможнаго. Англичапе расположились тамъ, какъ дома, — и дорога у нихъ желѣзная, и орудія удивительныя...

— Это все, батинька, вздоръ. Ничего они съ русскимъ солдатомъ не подѣлаютъ; вы знаете, каковъ нашъ народъ: онъ кулакомъ больше сдѣлаетъ, чѣмъ англичанинъ своими машинами, а до штыковъ дѣло дойдетъ, такъ конецъ.

То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ,
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ,

сказалъ Левгинъ, смѣясь.

— Плохо вотъ что у насъ — дороги неисправны, передвиженіе войскъ — и медленно, и дорого, продолжалъ Медвѣдевъ.

— Да что намъ о дешевизнѣ-то думать: мы, слава Богу, богаты, понадобится—все отдадимъ, до послѣдней копѣйки; все подыдемся, какъ одинъ человѣкъ, дворянство во главѣ: тутъ хоть три Европы—разгромимъ.

— Дворянство отстоятъ славу отечества: ему не въ первый разъ.

— Да, встать... что жъ я раньше-то не сказалъ? спохватился Медвѣдевъ: дворянству скоро придется послужить: ополченіе объявляютъ...

— Ополченіе, говорите вы? азартно провзнесъ, входя въ комнату, длинный господинъ съ усами и баками, въ отставномъ военномъ мундирѣ.

— А! Никита Павлычъ! ваше превосходительство! милости просимъ!

— Ополченіе, говорите вы? продолжалъ вошедшій, на скоро кожимая руки всѣмъ присутствующимъ: давно бы пора! Мы все идемъ, все грудью встанемъ!

— Непремѣнно! я первый страхну десять лѣтъ съ костей, отозвался горячо хозяинъ.

— Да правда ли это?

— Пишутъ...

— Двѣнадцатый годъ повторяется! Мы опять покажемъ, что значить шутить съ русскимъ дворянствомъ, съ русскимъ народомъ! Забудемъ все наши ссоры, интриги, неприятности, — все до единого пойдемъ дружно, за-едино! Старыхъ служака въ командиры поставимъ, позабывъ все личныя отношенія.

— Да, да, Никита Павлычъ, васъ выберемъ въ начальники ополченія, сказалъ Колобродинъ.

— А вы, Иванъ Николаичъ, примите на себя командованіе одной изъ дружинъ. Все движемся!

— За чѣмъ же все? Надо кому вѣдучь и дома остаться, и дома дѣло будетъ, вмѣшался Левкинъ.

— Всежъ нельзя никакъ, поддержаль Медвѣдевъ.

— Всежъ, всежъ! Что тутъ о домѣ думать, — дома безъ насъ дѣло обойдется. Все, поголовно!..

— Однако вы, Александръ Юрьичъ, съ вашей новостью отвлекаете меня отъ бесѣды, — поѣду къ губернатору, не знаетъ ли онъ чего...

— Отъ него-то я и слышалъ. Я вѣдь, знаете, его довѣренное лице...

— Экой чудакъ! цѣлый часъ сидитъ и не скажетъ! упрекнулъ хозяинъ.

— Сейчасъ же поѣду: подробностей какихъ не пишутъ я...

Генераль послѣшно уѣхалъ.

— Тугоуховъ-то расхотѣлся! засмѣялся Медвѣдевъ: патриотомъ сдѣлался!

— Въ начальниихъ ополченія захотѣлось... И къ губернатору сейчасъ, сказалъ хозяинъ

— Ой, ужъ эти Тугоуховы: вся порода на томъ стоитъ. А гордость-то, гордость какая,—фу, ты пропасть!

Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришло распоряженіе о сборѣ ополченія. Начались суета и вельменіе. Собралось чрезвычайное дворянское собраніе. Составили списки всѣхъ служащихъ и неслужащихъ дворянъ. Списки читали вслухъ, и при каждой фамиліи раздавались клики: «служить, служить!» Генераль Тугоуховъ игралъ не маловажную роль: огромнаго роста, съ форменными усами и бакеннами, въ своемъ полувоенномъ костюмѣ, онъ смотрѣлъ серьезно, какъ-то даже таинственно и сурово, говорилъ не иначе, какъ съ энтузіазмомъ, всѣмъ пожималъ руки, показывая видъ, что теперь для него всѣ равны — и друзья, и враги, и родные, и чужіе, нерѣдко вспоминалъ о двѣнадцатомъ годѣ, приравнивая къ нему настоящую «эпоху», при чемъ глаза его увлажнялись слезами. Не менѣе замѣтенъ былъ знакомый намъ помѣщикъ, съ костылемъ, Колобродинъ: хриплымъ голосомъ, принасмѣивая, онъ кричалъ каждому: «служить, служить!», и не шутя сердился, если почему либо иной освобождался отъ поступленія въ ряды ополченцевъ: «чортъ знаетъ, что такое дворянство: — прежде всего должно военной доблестью отличаться, дома ему нечего и дѣлать: землю мужики вспашутъ, напишутъ, что надо, чиновники; одно орудіе, достойное дворянина — сабля! война — берись за саблю! миръ — барствуй, какъ старинный русскій бояринъ!»

Барыни и барышни забрались на хоры и жужжали, какъ пчелы. Колобродинъ почему-то получилъ наименованіе «баши-бузукъ». От-

ставной генераль Тугоуховъ и ростомъ, и дородствомъ, и зычнымъ голосомъ, и какимъ-то ужающимъ выраженіемъ лица напоминалъ чудовищные образы русскихъ богатырскихъ сказокъ, и прозванъ былъ *Нижитицсмъ*. Помѣщикъ Левкинъ, хотя сохранилъ свою величественную походку, напоминающую королей и принцевъ на подмосткахъ провинціального театра, но видимо присмирѣлъ и замѣтной роли не игралъ. Вотъ губернаторскій поэтъ Медвѣдевъ, такъ тотъ отчаянно махалъ своими длинными руками и такъ работалъ, что даже вспотѣлъ и раскраснѣлся.

Одинъ отставной полковникъ, пожилой, хворый человѣкъ, возразилъ, что онъ послужилъ уже на своемъ вѣку, что плохое здоровье не дозволяетъ ему вступить снова въ военную службу. «Служить, служить!» раздались неистовые клики. Полковникъ продолжалъ отказываться. Трусъ! баба! служить, служить!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Громче другихъ раздавался голосъ Медвѣдева. «Вонъ его, вонъ изъ собранія! Онъ недостойнъ быть здѣсь!» Бѣднаго полковника вытолкали изъ залы. «Всѣ пойдемъ, всѣ! Кто отстаеъ, тотъ трусъ кричалъ Медвѣдевъ.

Тугоухова избрали начальникомъ ополченія. Назначили также дружинныхъ начальниковъ, въ число которыхъ попали: братъ Тугоухова и баши-бузугъ Колобродинъ. Медвѣдевъ, по незначительности чина, попалъ въ офицеры одной изъ дружинъ. Но громкоголосый поэтъ на другой же день отправился къ губернатору, который являлся меценатомъ и покровителемъ губернской музыки.

Представши передъ генеральскіе очи, Медвѣдевъ палъ ницъ.

— Что вамъ? съ удивленіемъ спросилъ генераль.

— Ваше превосходительство! спасите меня! я въ ополченіе назначенъ: жена, дѣти... на кого я малютокъ оставлю? Спасите, ваше превосходительство! спасите! будьте отецъ-благодѣтель!

— Что же я могу сдѣлать? Это дѣло свободное, вы сами могли отказаться, насильно не тянуть.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сами знаете здѣшнее дворянство, меня, какъ Митюхина, вытолкали бы въ шею, осрамили бы. Сами знаете, ваше превосходительство, легко ли сладить съ дворянствомъ здѣшнимъ, съ нимъ не сговоришь, особенно бѣдному человѣку... Тѣ, кто остается, предводители, да засѣдатели, — первые гвалтъ подняли... Спасите, ваше превосходительство, я заслужу вамъ! У меня было такъ много предположеній: статгстическія изслѣ-

дованія, описаніе малоизвѣстныхъ краевъ нашей губерніи, историческій взглядъ на города...

— Что же мнѣ дѣлать?

— Не отпускайте, ваше превосходительство, — неужели я не заслужилъ вашего милостиваго вниманія, — я здѣсь полезенъ, я подъялъ губернскія вѣдомости, я грудь разстроилъ, желая угодить вашему превосходительству, — неужели теперь долженъ бросить домъ, семейство, мирное перо перемѣнить на мечъ, котораго никогда не держалъ въ своихъ рукахъ. Кто же будетъ выражать высокія идеи вашего превосходительства? — Кто будетъ поддерживать мѣстную литературу — это столь сильное просвѣтительное начало? — Спасите, ваше превосходительство!

— Да, да... правда!.. я васъ удержу... я васъ не отпущу... я не могу васъ отпустить... вы мнѣ полезны, — весьма полезны...

Какъ возрадовался Медвѣдевъ, какъ просіялъ онъ, слыша такія рѣчи!

— Такъ-то вы, Юрій Александрычъ! — уклоняетесь!.. — упрекалъ его башки-бузукъ Колобродинъ при большомъ обществѣ.

— Помилуйте, Иванъ Николаевичъ, — отвѣчалъ поэтъ, ни мало не конфузясь: какъ мнѣ ни горько, какъ ни тяжело сидѣть здѣсь съ перомъ въ рукѣ въ то время, какъ мои друзья будутъ кровь проливать за отечество, — но я долженъ это сдѣлать, я долженъ остаться, — понимаете: *долженъ*. Губернаторъ ни за что не отпускаетъ. Жаль старика оставить, — вѣдь онъ безъ меня ни шагу... Не отпущу, говорятъ, я васъ — вы моя правая рука, ни за что въ мірѣ не отпущу! Да помилуйте, ваше превосходительство, говорю я, моя душа рвется въ ряды защитниковъ отечества! Ни за что, говорятъ; даже заплакалъ старикъ. Но я все-таки надѣюсь урваться, — полагаю, что не успѣете вы за границу губерніи уйти, какъ я прилечу: не могу — душа рвется...

За то Медвѣдевъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ дворянскаго театра съ патріотическою цѣлью, а въ губернскихъ вѣдомостяхъ краснорѣчиво изображалъ величіе эпохи — то въ прозѣ, то въ стихахъ.

Замелькали по городу ополченскіе кафтаны и шапки съ крестами. Молодежь рисовалась и закутила. Барышни тайно и явно проливали слезы. Для сформированія дружинъ по уѣзднымъ городамъ были разосланы баталіонныя офицеры, потому что выбранные дворянствомъ начальники дружинъ и прочіе ополченцы собирались медленно, нето-

ропливо: каждому хотѣлось пошеголять въ ополченскомъ кафтанѣ, въ эполетахъ и при полусаблѣ въ губернскомъ городѣ, показаться друзьямъ, знакомымъ и женщинамъ. Молодые люди спѣшили пораспродать все свое движимое имущество: куда-сто беречь, надо кутнуть въ эполетахъ, шкуру задать въ уѣздныхъ городахъ... Въ воздухѣ пахло жертвой.

Собрались у генерала Тугоухова дворяне. О чемъ толкъ?

— Надо, господа, намъ копѣекъ по двадцати пяти съ души собрать на военные расходы,—вездѣ жертвуютъ...

— Да, да, не отставать же намъ отъ другихъ! — поддерживаетъ Левкинъ, вздернувъ голову.

— По полтинѣ дадимъ!—кричитъ Колобродинъ...

Вотъ освѣщенъ ярко губернской театръ, сильно смахивающій на сарай: «благородные» спектакли въ пользу раненыхъ устроились. Тамъ толки о балахъ, да вечерахъ, да вечеринкахъ: храбрыхъ ополченцевъ провожать хотять...

Много экипажей стоитъ у театра: благотвореніе, соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ, вызвало на «благородные» спектакли всѣхъ жителей города. Братъ знакомаго намъ помѣщика-винокура Левкина, безцвѣтная личность, въ публикѣ извѣстная болѣе за мужа Софьи Львовны — бойкой, жирной и красивой барыни, большой проказницы и баловницы, — смѣшилъ до слезъ въ «Букѣ» и другихъ пріятныхъ водевиляхъ. Прокуроръ Губинъ трогалъ до слезъ въ драматическихъ роляхъ. Дѣвица Коробкина играла такъ хорошо, что окончательно заполонила князя Лебедкина, по неволѣ проживавшаго въ нашемъ городѣ. Въ заключеніе спектакля знакомый нашъ поэтъ Медвѣдевъ вызвалъ громъ рукоплесканій, обратившись съ сочиненнымъ заранѣе экспромтомъ такого содержания:

Благодаримъ мы васъ за посѣщенье.
Талантами не блещетъ нашъ кружокъ,
Но наша цѣль — одно благотворенье,
Невѣдомъ намъ тщеславія порокъ.
Народы нечестивые возстали
На родину, пошли на Русь войной,
И русскія сердца затрепетали,
За вѣру старъ и младъ стремятся въ бой.
Мы на алтарь отечества приносимъ —
Хоть скудную, но чѣстную лепту.

И Господа въ благоговѣньи просимъ :
 Осуществи желанную мечту!
 Да стгбнуть силы вражїа, — и снова
 Добро восторжествуетъ пусть надъ зломъ;
 Не выдадимъ отечества святаго,
 Всѣ поголовно на врага пойдемъ!
 Увидитъ въ трепетъ святой Россїи знамя
 Побѣдоносное Христа кичливый врагъ,
 Раздастся русскїй громъ, слеснетъ широко пламя,
 И врагъ падеть, поверженный во прахъ!

Такое удачное выраженїе чувствъ, которыми была преисполнена публика, вызвало заслуженные аплодисменты: поэта вызвали три раза и заставили повторить экспромтъ, — и поэтъ, не смотря на всю трудность такого повторенїа (экспромтъ повторить отъ слова до слова!), исполнилъ желанїе публики, видимо довольный ея восторгомъ.

Всѣ возвратились изъ театра довольны и счастливы; всѣ заснули спокойно и мирно. Непокойно засыпалъ въ этотъ депь только одинъ генераль Тугоуховъ: у него все не лады съ губернаторомъ пошли относительно заготовленїа обмундировки для ратниковъ, которую генералу хотѣлось взять на себя по расчету, имъ составленному, — ну, и по другомъ хозяйственнымъ дѣламъ ополченїа. — За такими размышленїями раздражающаго свойства, генерала застало письмо, только что присланное изъ деревни отъ старосты. Письмо это еще болѣе способствовало озлобленїю и дурному расположенїю Тугоухова. Староста писалъ:

«Батюшка баринъ сивый меринъ Никита Павлычъ померъ и я его господскую шкуру продалъ и на вырученныя деньги купилъ для вашей милости хомутъ, а у савраски хомута не было — все не по шеѣ. На ярмаркѣ свиной вашей породы было много; жалѣли, что вашей милости не было. Собрать-же по четвертаку съ души по приказу вашему на войну я не могъ, мужики больно оскудѣли, у многихъ и хлѣба нѣтъ не то что денегъ. Оброкъ вашей милости до срока тожъ внести не желаютъ, а хотятъ внести на Петровъ день, какъ и допрежъ сего было. Въ усадьбѣ все обстоитъ благополучно, чего и вамъ душевно желаю.» Не то бѣсило генерала, что выходилъ онъ изъ безграмотнаго письма старосты свиной и сивымъ мериномъ, а то, что пожертвованные имъ, за одно съ прочими помѣщиками, четвертаки не собраны, да оброка крестьяне до срока не выслали.... «Чортъ ихъ возьми! — думалъ Тугоуховъ: гдѣ теперь денегъ возъ-

мень — и по четвертаку-то взноси, и по ополченію... а доходовъ-то еще жди, — Улита ѣдетъ — когда-то будетъ?. Еще губернаторъ эдакій навязался: какъ собака на снѣгъ — ни себѣ, ни людямъ!»

На другой день генераль имѣлъ продолжительный секретный разговоръ съ братомъ своимъ — тоже Тугоуховымъ, начальникомъ брякинской дружины.

— Надо поладить... Кто у насъ начальники-то дружинъ? говорилъ братъ: разъ, два, три... ну, ничего, народъ податливый... Надо поладить.

Кончились балы, натапцовались, нагулялись въ губернскомъ городѣ ополченцы—и поѣхали къ своимъ дружинамъ, по уѣзднымъ городамъ. Въ губернскомъ городѣ остались двѣ дружины—и порядочное количество офицеровъ ради утѣшенія дамъ и дѣвицъ.

Не прокатиться ли и намъ, читатель, до уѣзднаго города Брякина? не послѣдовать ли за кѣмъ нибудь изъ храбрыхъ ополченцевъ.

Ѣдутъ по большой дорогѣ пары и тройки, ѣдутъ прапорщики и поручики, — весело и бойко ѣдутъ они. Не услѣдишь за всѣми. Вотъ тройка остановилась у станціи.

— Смотритель! Смо-три-теля сюда, на сцену! кричитъ плотный господинъ съ краснымъ носомъ, съ ухорскими усами и ухорскимъ взглядомъ: бывалый! сказали бы вы, взглянувъ на него, — арміей пахнетъ, во вторичную службу, значить, вступилъ. Да, во вторичную: тутъ онъ менторъ, голова.

Показался смотритель, табачекъ понюхиваетъ, до шапки чуть дотронулся, одинъ глазъ прищуривъ: тоже бывалый! видалъ виды! Этого не оборвешь зычнымъ голосомъ, да поднятымъ кулакомъ.

— Лошадей! кричитъ молодой человекъ съ усами, еще не достаточно отросшими—изъ штафиръ, изъ рябчиковъ, значить, длинный, сухощавый.

— Лошадей! повторяетъ другой молодой человекъ съ длинными волосами: значить, тоже штафирна.

Подъѣзжаютъ другія сани.

— Лошадей скорѣй давать! кричитъ, картава и заплетаясь языкомъ, толстый, неуклюжій господинъ, вываливающийся изъ этихъ саней. Товарищъ его ничего не кричитъ, потому что пьянъ совершенно, «до положенія ризъ», какъ говорится, и только что-то бурчить про себя.

— Лошадей нѣтъ! подождать надо... говорить смотритель:—сей-часъ двѣ тройки отправили.

— Какъ нѣтъ! закричали молодые люди, выскакивая изъ саней.

— Да знаешь-ли ты, что мы по казенной надобности?..

— Тыкаться нечего, а лошадей, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ, нѣтъ!

— Ополченіе ѣдетъ, ракалія!..

— Живо лошадей! хоть роди, да подавай!

— Дѣло, нетерпящее отлагательства, мошенникъ!

— Подождать надо-съ... равнодушно повторилъ смотритель, упирая руки въ боки.

— Я тебѣ дамъ, подождать!

— По сусаламъ его, каналью!..

— Офицеръ, господа, сами не ушибитесь! хладнокровно замѣтилъ смотритель, потряхивая фуражкой, украшенной кокардою.

— Бросьте его! сказалъ, наконецъ, толстякъ, пріѣхавшій на парѣ:—куда намъ торопиться, картишки вынемъ да разыграемъ!

— А что, и, въ самомъ дѣлѣ, Селянкинъ не глупо придумалъ...

— То-то, братъ, слохватился...

— Лянчишка помянемъ, а тамъ лошади-то и подоспѣютъ...

Путешествуя такимъ манеромъ, наши герои наконецъ достигли Брякина.

Небольшой, смиренный городокъ, никогда не выдавшій у себя такого количества наѣзжаго народа, пришелъ въ недоумѣніе.

Офицеры брякинской дружины представляли весьма разнообразное общество, но всё въ одинаковой мѣрѣ были преисполнены воинственнаго азарта и смотрѣли съ-высока на мѣстныхъ жителей. Начальникъ дружины—младшій Тугоуховъ—не знакомился ни съ кѣмъ, держался важно и таинственно. Когда на городской площади происходило ученье ратниковъ, и толпа любопытныхъ слишкомъ придвинулась къ колоннамъ, онъ безъ церемоніи прикрикнулъ на брякинскихъ дамъ, чѣмъ перепугалъ ихъ не на шутку; а какого-то уѣзднаго франтика, осмѣлившагося пройти мимо этого марсова поля съ сигарой во рту, чуть подъ арестъ не взялъ.

Брякинская молодежь вовсе съ толку сбилась въ компаніи съ храбрыми воинами,—суды, училища, канцеляріи опустѣли, потому что три мѣсяца продолжался кутежъ безъ отдыха и безъ просыпу.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ всё дружины стали собираться въ губернской городъ.

Вступленіе брякинской дружины было особенно трогательно: начальникъ ея былъ братъ начальнику всего ополченія, и сцена произошла умиленная. Старшій Тугоуховъ встрѣтилъ дружину за городомъ. Младшій Тугоуховъ, предводительствуя воинствомъ, отдалъ брату подобающую честь, какъ начальнику, и подалъ рапортъ. Вслѣдъ за этимъ официальнымъ цереміаломъ, Тугоуховы поздоровались, какъ братья, то есть трижды облобызались.

Брякинъ, по отбытіи дружины, представлялъ зрѣлище, подобное полю, на которомъ была долгая засуха.

Не описываемъ торжественнаго выступленія брякинской дружины изъ губернскаго города, ибо наше слабое перо не можетъ изобразить такого торжества съ надлежащей красотою. Скажемъ только, что шествіе ея, какъ и всѣхъ прочихъ дружинъ, въ предѣлахъ губерніи было поистинѣ триумфальное шествіе... И все это пронеслось, какъ сонъ, исчезло и передается изъ устъ въ уста, какъ преданіе временъ очковскихъ. Даже фраза: «вотъ, когда я служилъ въ ополченіи», или: «у насъ въ ополченіи» выходитъ изъ употребленія...

Было, сплыло и былъемъ поросло...

II.

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНІЕ БѢСА НА НАШЕЙ ПОЧВѢ.

„Не изъ тучи громъ!“

Злой духъ прогресса впервые заглянулъ въ нашъ городъ, какъ это случилось съ большинствомъ російскихъ городовъ, во образъ ничтожнаго, безвѣстнаго и слабого смертнаго, а именно—учителя уѣднаго училища. Губернскія дѣла текли своимъ обычнымъ порядкомъ. Но прогрессъ уже косилъ глаза на нашъ городъ, думая заглянуть къ намъ,—и, какъ бѣсъ хитрый, осторожный, выдавшій виды, прежде всего рѣшился забраться въ личность наименѣ замѣтную. Увидѣлъ бѣсъ, что по архангельскому тракту ѣдетъ въ нашъ городъ повозка, запряженная парой лошадей, а въ повозкѣ сидитъ юноша лѣтъ 23-хъ; бѣсъ всмотрѣлся внимательно: «а, учитель, переведенный изъ Ряби-

новска, мальчикъ неглупый, мальчикъ злой, мальчикъ самолюбивый, задорный, дерзкій... И насчитавъ десятокъ эпитетовъ, относящихся къ мальчику—учителю, бѣсъ быстро помчался къ повозкѣ. А мальчикъ не то спалъ, не то бодрствовалъ, — и безъ помощи бѣса ему все какая-то чертовщина въ голову лѣзла: то изъ Русскаго Вѣстника, то изъ Русской Бесѣды какія-то мыслицы и мыслицы мерещились, образуя какой-то дикій хороводъ. Началь съ нимъ бѣсъ заигрывать: самолюбіе пощечочеть, разныя старыя обиды напомнить, да потомъ на отсталость и неразвитость общества, на разные общественныя недуги сведеть, или прямо изъ Русскаго Вѣстника цѣлую тираду отхватить, да на затычку экономическимъ указателемъ спрыснетъ. Въ головѣ учителя поднялся совершенный кавардакъ (говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ). И въѣхалъ учитель въ губернской городъ, одержимый лукавымъ бѣсомъ, и скоро очутился въ объятіяхъ дражайшихъ родителей.

— Ну, здоровъ-ли-ты? Экой худящій какой, щеки-то какъ ввалились... эка спичка! говорила мать голосомъ, въ которомъ слышалась и грусть, и радость. Она смотрѣла на сына съ умилениемъ.

— Слава богу, перетащился таки къ намъ. Я говорилъ: потерпи, нельзя вдругъ. Что дѣлать, не поскучаешь, не потерпишь — и добра не увидишь. Такъ, по моему и вышло. Мы и больше терпѣли, да съ божіей помощью и сами въ люди вышли, и васъ вотъ вырастили... говорилъ отецъ.

— Не даромъ въ мать-то уродился: счастливый сынъ на мать походить! продолжала мать...

— Слава Богу, что жилъ между людьми хорошими, да пользовался расположеніемъ. Признаться, утѣшительно было слышать, какъ тотъ пишетъ похвалу, другой пріѣдетъ — хвалить...

— Да, родительскому-то сердцу приятно... Не даромъ я Богу молилась: сохрани его, Господи, чтобы его любили-то, чтобы искателень онъ въ людяхъ-то былъ.

— Вотъ недавно: вице-губернаторъ пріѣхалъ, первое, о чемъ заговорилъ: сына вашего видѣлъ, надо его непременно въ губернской городъ перевести—славный молодой человекъ...

— Я услышала, заплакала даже отъ радости... Охъ, Ваня, будь ты въ людяхъ-то искателень, услужливъ, прислужиться умѣй, такъ все поидетъ хорошо... Не ожидала, признаться, я ужъ отъ тебя: грубияннишко такой росъ... Мать и смѣялась, и слезы утирала.

Но присутствіе бѣса стало обнаруживаться скоро.

Мальчику, въ силу его юныхъ лѣтъ, веселиться хотѣлось: онъ въ губернской свѣтъ толкнулся, но губернской свѣтъ посмотрѣвъ на выскочку такимъ наглымъ, презрительнымъ взглядомъ, что мальчикъ съ непривычки покоробило, и личные оскорбленія посыпались на дерздаго, осмѣливавшаго сунуться туда, гдѣ его не спрашиваютъ. Читателю извѣстно, что мальчикъ нашъ былъ злой, самолюбивый, задорный и проч.: къ роли шута онъ былъ неспособенъ, быть терпимымъ въ обществѣ изъ снисхожденія, какъ ваттычка въ партіи преферанса, или запасной кавалеръ для засидѣвшихся дѣвъ, онъ не хотѣлъ; выслушивать чужую чушь и односложными придакиваниями выражать свое согласіе—ему казалось просто невозможнымъ. А какимъ холодомъ вѣяло на него отъ взоровъ, которыми отвѣчали херувимы-барышни на его юношескіе восторги, когда онъ весь млѣлъ жаждою любви и волновался отъ пожара въ крови. Онъ видѣлъ и понималъ очень хорошо, что другіе юнени, пользующіеся передъ нимъ огромнымъ преимуществомъ въ обществѣ, и глупѣе, и хуже его, — желчь, злоба, ненависть важились въ груди мальчика, — одержимаго бѣсовскою силой. Правда, устарѣлая барыня открывала было «мальчику» свои объятія; правда, вице-губернаторъ принималъ въ немъ пассивное участіе за двѣ-три статейки, начинающіяся словами: «и въ нашемъ отдаленномъ краѣ» и проч., и напечатанныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ, но первое было утѣшеніемъ слабымъ и дѣйствовало, какъ дѣйствуетъ соленая вода на жаждущаго, а второе окончилось скандальной катастрофой, ловля сочиненной лукавымъ бѣсомъ. Одна статейка не понравилась сановнику-некротовителю, и онъ въ своемъ губернскомъ правленіи громкогласно приказалъ передать нашему писателю: «скажите ему, чтобы онъ впередъ не смѣлъ писать такихъ статей!». Мальчикъ заершился; маршъ къ сановнику за объясненіемъ, а тотъ: «я не намѣренъ съ вами объясняться!»

— Когда не намѣренъ, то я намѣренъ отпечатать это происшествіе въ столичныхъ вѣдомостяхъ! совсѣмъ разгорячился мальчикъ и вышелъ, хлопнувъ дверью. Вице-губернаторъ не привыкъ къ такимъ выходкамъ, къ такому забвенію дисциплины, къ такому оскорбленію его сановническаго достоинства. Кстати ужъ сообщимъ читателю, что фамилія его была Мейеръ, что онъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ дѣтства избалованный женскимъ воспитаніемъ, протевціями и

свѣтской жизнью, но съ добрымъ сердцемъ и съ великой наклонностью къ постройкамъ, нововведеніямъ и преобразованіямъ. Жена его слыла за одну изъ самыхъ умныхъ женщинъ на всю губернію.

Мейеръ съ жалобой къ отцу. Тутъ семейная сцена перемѣнилась.

— Ты вредишь себѣ, вредишь и мнѣ, себя губишь, братьевъ губишь, меня губишь... Противъ отца ты пошелъ...

— Нисколько. Не могу же я позволить унижать меня...

— Великая фигура! Гордымъ-то Богъ противится! Отецъ-то гнулъ, гнулъ спину, горбомъ добивался — все для васъ, а ты своими глупостями въ гробъ его вогнать хочешь...

— Хорошъ сынокъ! Гдѣ бы успокоивать, да радовать отца... то-то мало васъ пороли, прибавила мать.

— За своимъ поступкомъ я самъ отвѣчаю, и знаю, что въ нихъ дурнаго ничего нѣтъ.

— Ну, да словомъ сказать: хочешь жить съ нами, такъ живи по-людски, брось свои глупости и умничанья, или убирайся вонъ изъ моего дома. И сыномъ я тебя считать не буду, такъ и скажу всѣмъ...

— Если вамъ все равно, какъ бы ни унижали вашего сына...

— Эка фря какая! да ты бы долженъ въ ногахъ у меня ползать, — христіанства въ васъ нѣтъ...

— А все отъ того, что въ церковь рѣдко ходите, мало Богу молитесь... прибавила мать.

У отца голосъ пропалъ, у матери слезы текли по щекамъ. Но обличитель, окончательно обуянный бѣсомъ, толковалъ о своемъ челоувѣческомъ достоинствѣ, о мерзости униженія, о борьбѣ съ самодурствомъ. Семейная сцена грозила перейти въ трагическое побоище, если бы юный герой наконецъ не замолчалъ. Онъ замолчалъ, но внутри души (какъ выражаются поэты съ рефлексіей) весь преданъ былъ бѣсовскому навожденію.

Дня черезъ два, какой-то пакетъ, адресованный въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей, упалъ въ ящикъ губернской почтовой конторы. Опустивши пакетъ, обличитель съ волненіемъ шелъ по березовому бульвару, близъ котораго находилась почтовая контора. Онъ шелъ и часто поглядывалъ на часы. Вотъ ужъ двѣнадцать, — конечно! пакетъ невозвратимъ! Лице мальчика повеселѣло, а сердце забилось сильнѣе: «погоди же! я тебѣ отплачу, потѣшусь и я

надъ тобой!»!.. думалось ему, но онъ повернулъ свои мысли иначе: «да, самодурство губернское, надо тебя потрясти, надо тебѣ напомнить о значеніи человѣческаго достоинства! авось либо ты и дашь духъ перевести бѣднякамъ, труженикамъ, надъ которыми ты надругалось столько тысячъ разъ!»!

— Здорово-живешь! — кто-то окликнулъ и толкнулъ его. Обличитель оглянулся и узналъ своего товарища по гимназіи.

— Что, братъ, Мейеръ-то тебя обработалъ?

— Какъ-бы не обработалъ,—я самъ спуску не далъ: объясненія потребовалъ, а когда онъ заартачился да чваниться началъ, я обругалъ на обѣ корки (нельзя-же безъ прибавленій) и пообщалъ отпечатать,—и отпечатаю!

— Молодецъ! — Какую онъ этта штуку въ правленіи удралъ — потѣха: Бѣловъ—знаешь?—косматый эдакой, все въ землю смотреть, словно сто рублей найди хочеть—съ Мазилкинымъ поспорилъ, да и говорить ему: эхъ, Сергѣй Васильичъ, что ужъ и говорить,—у сильного всегда бессильный виновать! Тотъ обидѣлся: совѣтникъ, братецъ ты мой, какъ-же можно! пожаловался Мейеру. «По-о-озвать его!» Позвали. «Какъ ты смѣешь говорить старшему: у сильного всегда бессильный виновать?» Да это Иванъ Андреичъ Крыловъ сказалъ... «Та-а-акъ по о-озвать сюда Крылова!» — ха-ха-ха! вотъ онъ гусь каковъ: Крылова изъ могилы требуетъ на расправу...

— А слышалъ ты, какъ онъ семинариста въ части выдралъ: хозяина его сынишка подрался на улицѣ съ семинаристомъ, тотъ его оттузилъ, конечно,—и по дѣломъ,—мальчишка въ слезы,—а Мейеръ какъ разъ въ окно все видитъ: кликнулъ лакея, приказалъ семинариста взять, да въ части выпоротъ, — и отодрали его, раба божія, такъ, что тотъ насилу на ноги всталъ. Оказалось: сынъ діакона, отецъ жаловаться хочеть...

— Чортъ знаетъ, что такое, это самоуправство выше шѣры, варварство.

— Превышеніе власти, братецъ, за которое по законамъ-то — знаешь что?

— Надо найди отца, да подбить! — подумалъ губернской обличитель—жаль, что раньше не зналъ, — въ Московскія Вѣдомости кстати бы,—ну, до другаго раза...

— А губернскаго землемѣра, такъ безъ околичностей дуракомъ въ присутствіи обругалъ и въ шею толкнулъ...

— Какъ-же это онъ позволилъ?

— Потому вѣрно, что въ самомъ дѣлѣ дуракъ. Однако, братъ, прощай.

— Все это надо принять къ свѣденію, подумаль обличитель. Все это можно яркими красками представить въ письмахъ для «Русскаго Дневника»...

Въ то время россійская гласность только что родилась на свѣтъ и показала языкъ изъ Московскихъ Вѣдомостей и Русскаго Дневника, которые первые стяжали себѣ извѣстность обличителей, задавши многое множество трезвоновъ многому множеству гг. X, Y и Z. Досужіе умы усердно занимались опредѣленіемъ этихъ неизвѣстныхъ величинъ и воображали, что занимаются серьезнымъ дѣломъ,

Разъ вечеромъ, въ одномъ изъ клубовъ (у насъ ихъ не одинъ), вниманіе обличителя, при входѣ въ гостиную, было привлечено толпой барынь и мужчинъ, сгруппировавшихся около длиннаго господина въ золотыхъ очкахъ и съ прилизанными височгами на обѣихъ сторонахъ. Господинъ этотъ держалъ въ рукахъ № «Московскихъ Вѣдомостей» и читалъ вслухъ. Обличителя, не смотря на бѣсовщину, въ немъ застѣвавшую, такъ и бросило въ жаръ. Положеніе было неловкое и для нашего героя новое: неловкое потому, что обличеніе напечаталось безъ всякихъ предосторожностей для прикрытія имени автора, и сильное подозрѣніе грозило мальчику неприятными выходками со стороны раздраженной публики. Къ счастью, подвернулся какой-то знакомый, вообще мало интересующійся литературой: мальчику удалось устроить партію и уѣсться за пикетъ.

А чтеніе продолжалось, повторялось и повторялось.

— Что тамъ за чтеніе? спрашиваетъ партнеръ.

— Не знаю, отвѣчаетъ мальчикъ, и показываетъ такой видъ, что весь увлеченъ игрою, а на самомъ дѣлѣ такъ и забрасываетъ глаза на обѣ стороны: его крайне интересуеть, что подумаетъ и что будетъ толковать публика.

— Ужь не манифестъ ли о волѣ напечатанъ,—что ихъ такъ забираетъ? спрашиваетъ партнеръ.

— Можетъ быть...

— То-то ихъ огоронило, поди: они все думали шуточками отдѣлаться: не можетъ-ста быть, все по старому останется... Не послушать ли?

— Семь и семнадцать, четырнадцать дамъ...

Партнеръ остался на мѣстѣ, огорошенный игрой мальчика, который дрожащимъ голосомъ сосчиталъ девяносто.

А въ публикѣ между тѣмъ поднялся шумъ.

— Это подлость! прошамкалъ съдой, гладкоостриженный помѣщикъ Колобродинъ, и застучалъ своимъ костылемъ.

— Памолеть! придакнулъ князь Лебедкинъ, обрюзглый фатъ, проживавшій въ нашемъ городѣ на сухофденіи ради укрощенія своихъ страстей.

— Силетни самага низкаго свойства! поддержалъ винокуръ-помѣщикъ съ гордой осанкой и театральными манерами.

— За такія вещи людей въ общество пускать не слѣдуетъ! произнесъ съ бѣшенствомъ отставной генералъ Тугоуховъ, длинный господинъ съ воинственною физиономіей.

— Шваль какая нибудь: сунулась въ свѣтъ, да попала на задній дворъ, и давай строчить вдакую дичь...

— Это все зависть подлая!..

— Желаніе выскочить, кукишъ изъ кармана показать, языкомъ подравнить изъ-за угла...

— Да это ничего, узнаемъ, такъ рожа-то не застрахована... вмѣшался сынъ выперфченнаго генерала Тугоухова, низенькій, толстенный армейскій офицерикъ, извѣстный въ городѣ подъ именемъ «Полуминитни», такъ какъ самъ генералъ именовался въ публикѣ Никитицей: дѣйствительно, объемъ младшаго Тугоухова составлялъ никакъ не болѣе половины объема старшаго.

— Ну, ужь это не того... это не годится... не честно... отозвался пріѣзжій морякъ.

— Что вы говорите, Леонидъ Петровичъ... Удивляюсь я вамъ... А онъ честно поступилъ съ нами: обругалъ публично, да еще за уголь спрятался! напустился на моряка помѣщикъ Колобродинъ, постукивая костылемъ.

— Честности захотѣли вы! Съ мерзавцами развѣ нужна честность? для нихъ мы, что-ли, честность приготовили! помилуйте, что вы сказали! подхватилъ долгоязыый господинъ въ золотыхъ очкахъ, который привезъ съ собой № Вѣдомостей.

— Да вѣдь онъ не назвалъ города-то, что же вы на свой счетъ принимаете?... продолжалъ морякъ.

— Еще бы!.. Кого вы защищаете, Леонидъ Петровичъ? горячился Колобродинъ.

— Онъ же защищаетъ его! Стыдно вамъ, Леонидъ Петровичъ... Павелъ Дмитріевичъ, онъ защищаетъ обличителя! Константинъ Александрычъ, онъ защищаетъ! Федоръ Иванычъ, посмотрите — онъ защищаетъ!.. — подхватилъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, видимо ухаживающій и за Колобродинымъ, и за Павломъ Дмитричемъ, и за Константиномъ Александрычемъ

— Вы защищаете?! признаюсь, я этого не ожидалъ!

— Защищаетъ негодяя, дрянъ какую-то!

— Славно! отличились вы, молодой человекъ!

— Помилуйте, господа, я вовсе не защищаю... что мнѣ за дѣло, и я рѣшительно не могу догадаться, кто и писалъ это... Съ чего-же мнѣ защищать, чортъ знаетъ, кого... — отговаривался морякъ, видя, что на него наступаетъ цѣлая арава обиженныхъ и оскорбленныхъ.

— Что такое, что такое? — говорятъ новыя лица, пріѣхавшія въ клубъ, прерывая такимъ образомъ нападеніе на моряка.

— Статейка любопытная, Михайло Петровичъ! Любопытная статейка, Василий Алексѣевичъ! — сѣшнито въсѣмъ подслужиться господинъ въ золотыхъ очкахъ.

— Какая тамъ статейка, что за чертовщину Дьяконовъ городить?.. бормочетъ Михайлъ Петровичъ, представитель губернской медицины, носящій кличку: «старая лоната...»

Господинъ въ золотыхъ очкахъ, хотя и слышалъ такое недоброе выраженіе о своей особѣ, ибо онъ-то и былъ Дьяконовъ, но продолжалъ свои услуги каждому вновь пріѣхавшему значительному лицу.

— Да что, батюшка, пашъ городъ, наше общество, особенно нашъ кружокъ, въ газетахъ распечатали на обѣ корки... все гласность эта, новыя порядки... шамкалъ Колобродинъ: молокососы хотятъ стариковъ учить! шваль какая нибудь на дворянское достоинство покушается!...

— Унижены мы нынѣ такъ, что ложись, да умирай!... къ тому идутъ всѣ эти перевороты!

— Да что таксе напечатано-то? неужели такъ-таки и городъ названъ?

— Пока не названъ, — а погодите — и до того дойдетъ, — назовутъ, пальцемъ тыкать будутъ... порядокъ разрушается, распушенность какая-то...

— Гдѣ-же, гдѣ? какъ-бы прочитать?

— Дайте, я вамъ прочитаю, вызвалась благообразная дѣвица. Оговоримся, что клубъ, въ которомъ происходило дѣло, украшался и понынѣ украшается присутствіемъ женщинъ. Время было великопостное, и на сей разъ число субъектовъ прекраснаго пола ограничивалось пятью-шестью; но и эти пять-шесть экземпляровъ наговорили разныхъ вещей, неприятныхъ для слуха обличителя, многое множество.

Началось чтеніе, — и публика призахла.

— Я бы этого мерзавца, этого писаку, за пять верстъ ни къ какому городу не подпустилъ! — рѣшительно произнесъ толстый почтмейстеръ басомъ, и пошелъ, переваливаясь, какъ зажирѣвшій дворовый гусь, къ ломберному столу.

— Этого нельзя, Федоръ Ивановичъ, а въ общество пускать точно не слѣдуетъ.... отвѣчалъ помѣщикъ винокуръ.

— Кой чортъ, нельзя! вы это говорите, что нельзя, потому что не смыслите. А я говорю, что можно. . пребурчалъ, оборотясь, почтмейстеръ: онъ безъ того часу пробить не могъ, чтобы не нагрубить кому нибудь.

Опять шумъ, гвалтъ... Молчавшій до сихъ поръ, предсѣдатель палаты, Деревяшкинъ вдругъ заговорилъ своимъ монотоннымъ голо-
ломъ, ни къ кому не обращаясь и тупо уперевъ глаза въ стѣну: «Не стоитъ вниманія обращать, все это одни глупости. Это пишутъ люди, которые ни на какое дѣло не годятся; посадите ихъ, всѣхъ этихъ писателей, въ помощники столоначальника, — ни одной порядочной бумаги не напишутъ... Посадите любаго въ помощники столоначальника — ни одинъ изъ нихъ, формально вамъ говорю, рапортъ въ Правительствующій сенатъ не напишетъ...

— Однако, Павелъ Дмитричъ, вмѣшался Колобродинъ, — есть хорошіе писатели, напримѣръ Зотовъ—Леонида написалъ...

— Да, да, есть хорошіе, поддерживалъ Дьяконовъ.

— Говорю вамъ, посадите любаго, хоть, раз-Зотова, ни одинъ порядочной бумаги не сочинитъ, ни одной статьи изъ Свода не подберетъ...

— Однако въ университетахъ...

— Да, въ университетахъ и лицейхъ...

— Не подберетъ. Университеты и лица всякіе — вздоръ все,

моя канцелярія въ тысячу кратъ лучше университета всякаго. Главное дѣло практика, опытъ...

— Однако...

— Но...

— Безъ практики... Словомъ, изъ фистулы предсѣдателя, упорно устремившаго глаза въ стѣну, текла и текла неудержимымъ потокомъ его обычная деревянная рѣчь, остановить которую могли, какъ пожаръ въ сѣверныхъ лѣсахъ или тропическихъ степяхъ, одни только физическія явленія: надо было или улизнуть отъ него или зажать ему ротъ. Собесѣдникъ предсѣдателя такъ и сдѣлалъ, — ротъ-то ему не зажалъ, а благоразумно ретировался. Деревяшкинъ продолжалъ было свое дѣло, имѣя въ виду Дьяконова, потому что качества и доброты въ слушателяхъ не разбиралъ: ктонибудь, да слушалъ-бы, и онъ работалъ языкомъ, какъ заведенная машина. Но и Дьяконовъ улизнулъ.

Разлютовавшіеся звѣри стали похаживать около нашего мальчика и смотрѣли на него такими плотоядными глазами, словно съѣсть хотѣли. Онъ въ своей обличительной статейкѣ рѣзко отзывался о всемъ обществѣ, выставляя пять-шесть фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о безсиліи и ничтожествѣ всего, такъ называемаго, высшаго губернскаго общества, а въ частности компрометирующихъ нѣкоторыя личности, милыя всему обществу, и оканчивалъ трагическимъ и свѣжимъ еще въ то время восклицаніемъ: свѣту намъ, свѣту, ~~мы~~ можно больше свѣту!»!

— Какая нибудь сволочь смѣетъ этакія пули отливать! кричали губернскіе тузы.

— Свѣту ему мало! экой просвѣтитель явился!

— Негодяй!

Такія рѣчи раздавались отсюду. Обличитель сидѣлъ, какъ на иголкахъ: и въ споръ-то ему вступитъ хотѣлось бы, и бранью-то на брань забирала охота отвѣтить, и страшно становилось: ему все грезилось, что тузы придутъ въ полный экстазъ, да побьютъ его. Обуянный этимъ страхомъ, онъ ускользнулъ изъ клуба незамѣтно и удралъ домой.

Онъ заснулъ безпокойно. А въ городѣ поднялась тревога. Никто не сомнѣвался въ имени автора: ужъ таковъ климатъ нашей мѣстности, что тайнъ въ ней не существуетъ и не можетъ существовать: проницательность необычайная...

Вице-губернаторъ и военный штабъ-офицеръ Дурманъ, оба сильно задѣтые статейкой обличителя, потребовали къ себѣ отца его. Выразивъ уваженіе къ отцу, они посылали на сына громы и молніи. Мейеръ только что изъ Петербурга пріѣхалъ и хвасталъ своею короткостью съ министрами.

— Мнѣ только слово стоило сказать министру, его-бы въ порошокъ истерли... кричалъ онъ: вѣдь это уголовное преступленіе, — за это его въ Сибирь надо упрятать!...

— На Кавказъ! — аккомпанировалъ Дурманъ, недалый господинъ, слывшій за добраго человѣка, именовавшій себя солдатомъ.

— Это неуваженіе къ предрержащимъ властямъ, наконецъ неуваженіе къ правительству...

— Это прямо преступленіе противъ перваго пункта... аккомпанировалъ Дурманъ: я долженъ, я обязанъ донести по начальству...

— Вы сами, какъ отецъ, должны хлопотать, чтобы его выслали къ зырянамъ куда нибудь... продолжалъ Мейеръ.

— На Кавказъ, всего лучше на Кавказъ... поддаивалъ Дурманъ.

— Да, помилуйте, Иванъ Ивановичъ, это, вѣроятно, не онъ... онъ сказалъ бы мнѣ... я остановилъ бы его... я не думаю, чтобы это онъ, — трепещущимъ голосомъ отвѣчалъ отецъ; на немъ лица не было, голосъ его охрипъ, глаза посоловѣли.

— Какъ не онъ... Я знаю... Онъ самъ мнѣ сказалъ тогда: я васъ распечатаю. Да, жаль, что вы не остановили: онъ можетъ этимъ и вамъ навредить... не знаю, какъ начальство на это посмотреть. Я, съ своей стороны, противъ васъ ничего не имѣю...

— Да, мы васъ вполне уважаемъ... аккомпанировалъ Дурманъ.

— Вполнѣ, вполнѣ... но какъ начальство посмотреть...

— Вѣрьте, Иванъ Ивановичъ, что я употреблялъ тогда все мое родительское вліяніе... Конечно, онъ на своихъ ногахъ... но я полагаю, что онъ сказалъ бы мнѣ.. Я старался тогда же внушить ему....

— Нѣтъ, ужъ вы сами хлопчите, чтобы его выселить, — онъ здѣсь вреденъ съ этими идеями...

— Да, вреденъ, вреденъ... аккомпанировалъ Дурманъ.

— Онъ, видимо, испорченный, развращенный молодой человѣкъ, жолчнаго характера... Вѣдь это развратъ, Антонъ Ивановичъ?

— Развратъ, чистый развратъ! совершенный развратъ, Иванъ Ивановичъ.

— Молодость, Иванъ Ивановичъ, молодость, глупость... шепталъ бѣдный отецъ, который, наслушавшись этихъ ужасовъ, этихъ гиперболическихъ угрозъ, вовсе растерялся и вѣрилъ каждому слову расходившихся губернскихъ тузовъ.

— Конечно, молодость и глупость... но во всякомъ случаѣ правительствомъ не можетъ потерпѣть этого...

— Мы тоже молоды были, мы боялись и перо-то въ руки взять...

— Почему не писать? писать можно... но бросать камнемъ въ предрержащія власти—этого нельзя допустить... Отъ этого государства падали...

— Конечно... вотъ, на примѣръ, Вольтеръ... ну и другіе, усердно аккомпанировалъ Дурманъ.

Общество отреклось отъ нашего обличителя, прокляло и мысленно распинало его. За то онъ стяжалъ себѣ громкую извѣстность не только въ городѣ, но даже въ губерніи. Тѣ, въ чьихъ глазахъ прежде онъ былъ личностью безъ имени и фамиліи, теперь узнали очень твердо и то, и другое. Дамы наводили лорнеты и съ любопытствомъ останавливали на немъ свои взоры, для которыхъ прежде онъ почти не существовалъ. Мужчины, встрѣчаясь съ нимъ, считали обязанностью довольно громко обругать, какъ будто между собой, и обращаясь прямо къ нему. Многіе и боялись: чортъ возьми, какъ вздумаетъ расписать, непріятная будетъ исторія! Особенно боялись тѣ, за кѣмъ водились грѣшки, самими грѣхотворниками сознаваемые. Но что ожидало нашего обличителя дома?

— Посрамилъ ты меня... яму мнѣ хочешь своими руками вырыть... Знать тебя не хочу, не сынъ ты мнѣ, коли на своего отца руку поднялъ... говорилъ ему отецъ.

Мать плакала.

— Что ты надѣлалъ, безсовѣстный! тому ли васъ учили въ родительскомъ домѣ... Смотри, до чего отца-то довела, — на десять лѣтъ состарилъ!.. говорила она.

— Благодарности въ васъ нѣтъ... Срамишь только меня, непріятности дѣлаешь, въ гробъ свести хочешь... кусокъ хлѣба изъ-за тебя отнимуть...

— Какой-же тутъ срамъ... И мнѣ никакого срама нѣтъ, потому что я ничего не навралъ, писалъ правду, — а до васъ это вовсе не

касается: я на своих ногахъ, самъ отвѣчаю за свои поступки... твердо и сильно отвѣчалъ мальчигъ.

— Самъ!.. Еще ты поспорь... Умничать задумалъ! Мы глупѣ тебя, что-ли?... Коли умничать хочешь, такъ убирайся вонъ—и на глаза мнѣ не суйся!..

— И уберусь, если такъ.

— Такъ убирайся-же!..

По лицу мальчика покатались слезы: какъ ни громка была его губернская слава, она доставалась ему дорого.

— Молчи ужъ лучше, молчи... не раздражай отца-то... унимала его мать.

— Нечего мнѣ больше дѣлать, если даже отецъ родной отступается отъ меня, точно я преступленіе сдѣлалъ, что правду сказалъ...

— А ты думаешь хорошее дѣло?.. все это пустяки — гласность эта... Старшихъ переучить вздумали... Не нами сказано, что яйца курицу не учать...

— Охъ, Ваня, Ваня, — молодъ ты еще, — покаешься послѣ, что родительскаго совѣта не слушался... говорила мать смягчающимъ тономъ, и разговоръ въ самомъ дѣлѣ смягчился.

— Да, признаться, мы не такъ росли, не такіе въ молодости были... а все отъ чего?.. вздоромъ головы не набивали, а больше дѣла дѣлали. Какъ приходилось своимъ горбомъ, спины не разгибая, копѣйку зарабатывать, такъ и привыкали старшихъ-то уважать; иное бы и не понравилось: ничего, снесешь, да помалчиваешь, оно и хорошо выходило...

— Отчего было не посоветоваться, — дуракъ что ли у васъ отецъ: слава богу, другіе за совѣтомъ обращаются; — а тутъ сынъ родной — на-ка умникъ какой, давай все, по своему, тайно, секретно...

Мало по малу разговоръ смягчился и окончился рѣшеніемъ — не сознаваться и впередъ быть умнѣ: авось — либо и пронесетъ! А обличитель, одержимый коварнымъ бѣсомъ, думалъ свое: «однако надѣлалъ я передраги! будутъ помнить!»

Дѣйствительно, весь городъ въ продолженіи мѣсяца только и говорилъ о нашемъ героѣ. Какъ ни ругали его, а все-таки большинство смотрѣло на него, какъ на личность передовую и притомъ такую, которой надо побаиваться. Да не всѣ же и ругали. Напротивъ, съ каждымъ днемъ у него являлись сторонники и сочувствующіе. У насъ любятъ скандалы, а такой скандалъ былъ новостью весьма за-

нимательнаго свойства. Притомъ у важдаго губернскаго туза, короля и валета, — у каждой пиковой, трефовой, червонной и бубновой дамы — есть свои враги, а врагамъ хотѣлось-бы насолить, — какъ-же? чѣмъ? обличить нельзя-ли?.. И вотъ къ обличителю стали стекаться разнообразныя матеріалы для обличеній, исторіи самаго разнокалибернаго свойства, такъ что онъ могъ-бы изучить частныя и служебныя отношенія всѣхъ жителей города.

Мальчикъ пользовался сообщаемыми ему матеріалами по своему благоусмотрѣнію; но дальнѣйшая дѣятельность юнаго обличителя не интересуеть насъ, такъ какъ главный герой нашего повѣствованія не онъ, а бѣсъ, временно въ немъ поселившійся. Таково было первое вторженіе бѣса въ нашъ городъ. Но неужели же мы такъ и бросимъ нашего «мальчика», ни слова не сказавъ о дальнѣйшей судьбѣ его? Нѣтъ, это было бы жестоко. Бѣсъ, похищенія котораго мы взялись изобразить въ нашихъ отрывочныхъ очеркахъ, скоро оставилъ ничтожныя тѣлеса учительшки, впрочемъ, не безъ нѣкотораго поврежденія. Послѣдней отрыжкой его навожденій было стихописаніе, сочиненное «мальчикомъ» въ минуту душевной тревоги. Это стихописаніе мы приводимъ цѣликомъ — не ради его достоинства, а просто, дабы оказать послѣднее вниманіе къ этой жертвѣ бѣсовскихъ проказъ:

Когда любви горячей слово
Уже срывалось съ языка,
Тогда я встрѣтилъ ваглядъ суровый,
Охолодившій бѣдняка...

Увы! съ моею долей скромной,
При входѣ въ этотъ шумный свѣтъ,
Кушть на счастье блесть
Мнѣ было не на что въ пріемной!

Когда я правды непреложной
Слова свободныя сказалъ,
Мнѣ благодѣтель мой вельможный
На двери молча указалъ...

Увы! мнѣ не даны правѣ,
Чтобъ, вѣчно бьющія баклуши,
Превосходительныя уши
Мои уважили слова!

Когда я скорби благородной
Невольное слово произнесъ, —

Смѣясь, стаканъ воды холодной
 Пріятель лучший мнѣ поднесъ.

Увы! къ чему моя тоска?
 Когда довольны всѣ собою
 И окружающей средою,
 Что значать воли бѣдыка!

Святое слово обличеня!
 Когда злой духъ меня объялъ,
 Кния враждой, во имя мщеня,
 Тебя на помощь я призвалъ!

Но эгоизмъ свой потѣшая,
 Не сдѣлалъ пользы я перомъ:
 То былъ не страшный людямъ громъ,
 А погремушка лишь пустая.

Не правда-ли, что въ стихахъ этихъ, шероховатыхъ, напыщен-
 ныхъ стихахъ, содержится весьма удовлетворительная эпитафія об-
 личителямъ и обличеніямъ нашихъ газетъ и журналовъ очень не-
 давняго времени?

III

БЪСЪ ХОЗЯЙНИЧАЕТЪ ВЪ НАШЕМЪ ГОРОДѢ, КАКЪ ДОМА.

«Сядина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.»

Особенное свойство этого бѣса заключается въ томъ, что онъ, по-
 добно нѣкоторымъ инфузоріямъ, можетъ быть раздѣляемъ на множе-
 ство частей, изъ которыхъ каждая живетъ своей отдѣльной жизнью,
 какъ особень. Это, чрезвычайно вредоносное въ такомъ коварномъ су-
 ществѣ, свойство обнаружилъ бѣсъ и во время его кратковременнаго
 пребыванія въ нашемъ городѣ. Не прошло года, послѣ перваго появ-
 ленія его въ образѣ «мальчика», какъ онъ, покинувъ столь ничтож-
 ное обиталище, раздѣлился на сотни частей, изъ которыхъ каждая
 нашла себѣ совершенно удобное и покойное помѣщеніе во внутрен-
 ностяхъ — помѣщика, отставнаго или служащаго чиновника промотавшагося фата, красной или некрасивой барыни, даже бывшаго.

ополченца... Помѣщики о гуманности и эгопомическихъ требованіяхъ, о трудѣ и — ужась! — о равенствѣ заговорили. Чиновники сильно привязались къ гласности и литературѣ. Барыни на благотворительность налегли. Конечно, это не мѣшало всѣмъ дѣяніямъ идти своимъ обычнымъ порядкомъ: такъ и должно быть въ благоустроенномъ обществѣ — слова словами, а дѣло дѣломъ. Въ какойнибудь годъ, въ нашемъ городѣ выросло сто тридцать три бороды съ половиной на такихъ подбородкахъ, которые годъ тому назадъ имѣли самую нѣжную симпатію къ бритвѣ. Половиной мы называемъ тотъ сивый клочекъ, который появился и по-днесь благополучно болтается на подбородкѣ винокура и помѣщика Левкина. Цирульники плакали и проклинали мужицкую моду.

— Для чего вы, батюшка, эту трясучку-то завели? говорилъ цирульникъ Петръ Андреевъ Левкину, когда тотъ заходилъ къ нему подстричься: барское-ли это дѣло съ мужиковъ манеру перенимать?

— Надо, братъ, съ нихъ перенимать, — они умнѣе и полезнѣе насъ,—они труженики, а мы небо коптели до сихъ поръ... глубокомысленно отозвался Левкинъ: онъ засѣдалъ въ такъ называемомъ крестьянскомъ комитетѣ и слылъ самымъ отчаяннымъ врагомъ крѣпостнаго права.

— Дивовина! — отвѣчалъ Петръ Андреевъ, вздыхая.

Появились шляпы и вообще костюмы самыхъ либеральныхъ формъ. Левкинъ ходилъ въ какомъ-то плащѣ и шляпѣ à la мужикъ. Генералъ Тугоуховъ облекся въ штатскій костюмъ и пересталъ носить даже брюки съ лампасами. Чиновники къ форменнымъ фрагамъ понашили сѣрыя брюки. Послышались рѣчи, совершенно несвойственныя характерамъ и дѣяніямъ говорившихъ лицъ. Въ клубахъ, въ собраніяхъ начались рьяные толки; на обѣдахъ неестественныя тосты и спичи. Все это отличалось полнѣйшей искренностью, ибо никто не сознавалъ въ себѣ присутствія бѣса, никто не догадывался, что и бороды, и спичи, и тосты—просто на просто продѣлки бѣса, а отнюдь не есть вещественное выраженіе невещественныхъ идей и убѣжденій.

Баши-бузукъ Колобродинъ, побывавъ въ Петербургѣ, возвратился оттуда тоже либераломъ...

— Да и, въ самомъ дѣлѣ, говорить онъ женѣ, вѣдь мы небо-то коптимъ, на чужой счетъ живемъ, да убиваемъ себѣ время за картами. Отъ того у насъ и застои такой во всемъ: ни промышленности, ни суда порядочнаго, ни торговли. Вотъ хоть у насъ дѣти:

дочери только о танцахъ, да о нарядахъ думаютъ, ну, старшій хоть въ военной службѣ потерѣ ляжку, а Алексѣй? что изъ него будетъ—лѣнтай, тунейдець; изъ гимназіи исключали; слова путнаго сказать, не то что написать, не умѣть... Вотъ эдакіе-то шалопаи и трактуютъ, что это дескать экспроприація... а какая тутъ экспроприація? никакой экспроприаціи нѣтъ!

— Что это за экспроприація, другъ мой, я что-то въ толкъ не возьму.

— Экспроприація—это новое слово такое.

— Да что оно значить-то?

— Что значить-то?.. какъ бы тебѣ сказать. Вѣдь вотъ понимать понимаю, а не умѣю объяснить. А все отъ того, что университета не кончилъ. Будь я моложе—непремѣнно бы въ университетъ..

— Что за пустяки ты говоришь... Полковнику отставному въ школу поступать: еще выпорать на смѣхъ...

— Полковнику! Эка не видаль! Въ Петербургѣ, говорятъ, генералы въ аудиторіи собираются. Для нихъ и столъ особый, генеральскій, устроенъ... Самъ не видаль, а говорятъ. Ты думаешь, университетъ—школа... Совсѣмъ нѣтъ: просто большая зала, сберутся, послушаютъ, сколько кто хочетъ—и пошли, а въ головѣ ума умъ и прибыло.

— Вотъ бы Алешу-то намъ туда отправить... Учить уроки онъ лѣнивъ, а послушать иной разъ и зашелъ бы. Можетъ, и поумнѣетъ...

— Какъ не поумнѣетъ! Эхъ, мать моя, въ Питерѣ и воздухъ-то совсѣмъ другой. Ну, и люди иные. Въ такой кружокъ можно его втолкнуть, гдѣ и безъ книгъ разовьется, всему выучится. Вѣдь вотъ я, побывалъ между умными, развитыми людьми,—все во мнѣ ожило, перестроилось, былъ дикарь какой-то, а сталъ человѣкомъ съ новыми этими взглядами, ну, и все такое, — чувствую, что не тотъ человекъ. Я вѣдь ужъ старикъ, а не отстаю отъ вѣва: на смѣхъ меня не подымутъ,—нѣтъ!

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ слышится ярый крикъ: «вотъ я тебя, каналья! такъ оттаскаю, что ни одного волоса на головѣ не оставлю... погоди еще—не на волѣ и изъ рукавицы моей не вырвешься...»

Колобродинъ смущается и головой мотааетъ.

— Что это нашъ севастиополь-то расходился... Ну то ли время теперь,—вѣкъ гуманности, а онъ...

— Петруша, а Петруша!

Въ комнату входитъ севастополецъ — старшій сынъ Колобродина, офицеръ красивый и ловкій.

— Брось его: звѣрь вѣдь это. Пойдемъ въ кабинетъ, мнѣ съ тобой о братѣ Алексѣѣ потолковать надо: умъ хорошо, а два лучше.

Въ кабинетъ «юный либераль», украшенный сѣдиною, повелъ такую рѣчь.

— Оставить надо это, братецъ ты мой, — не годится, время не то. Засмѣютъ, если прослышать. Знаешь, у насъ тоже водятся писатели: помнишь этотъ учитель, какъ бишь его?.. Не въ лѣсу живемъ. Мы должны сближаться съ народомъ, благо еще есть возможность. Экономическій интересъ — самый лучший случай къ сближенію.

— Да что съ ними церемониться-то, папенька, чортъ ихъ возьми, на послѣдкахъ-то и потѣшиться.

— Этой ты какой, понять меня не хочешь: рабочая сила, братецъ ты мой, — понимаешь? безъ этой силы что ты подѣлаешь? Надо стараться обуздать ее кроткими мѣрами, да на свою сторону склонить, — а тамъ ужъ садись на нее верхомъ, да и потъжай... Возбуждать противъ себя, разъединяться — не расчетъ.

— Какіе тамъ расчеты, когда собственность отнимаютъ.

— Э, братъ, да ты — я вижу — тоже считаешь это экспроприацией, — вѣтъ! стой! я тебѣ докажу фактически, юридически, исторически и экономически...

— Никакой я экспроприации не знаю, а потагать всякому хаму не шамфренъ.

— Опять свое! Съ тобой, какъ съ Павломъ Дмитричемъ Деревяшкинымъ, не сговоришь: тотъ упрется на своемъ; — завели машину — пошла писать, и слушать ничего не хочетъ.

— Однако онъ председателемъ третье трехлѣтіе служить.

— Эка диковина! наши выборы — известное дѣло, — тутъ о головахъ не спрашиваютъ. У насъ-то онъ только и слыветъ Солономъ какимъ-то.

— Это М-ме Мейеръ его Солономъ прозвала, — да вѣдь и вы безъ клички у нея не останетесь...

— Не Солономъ, другъ мой, — а Солономъ: Соломонъ — это былъ жидовскій король, а Солонъ въ Греціи, въ Константинополѣ законы сочинялъ. . Это его въ насмѣшку М-ме Мейеръ прозвала. Здѣсь точно считали его законовѣдомъ, а какой онъ законовѣдъ — долбяшка больше ничего. Въ Петербургѣ онъ у всѣхъ на смѣху былъ: на-

рочно заведуть разговоръ, втянуть его—онъ и пошелъ свое: такая-то статья Свода прямо говорить, что потомственный дворянинъ имѣеть право—и такъ далѣе. Сводъ для него альфа и омега. А тѣ-то покатываются—хохочутъ. Каждый разъ это повторялось.

— Нашли кого въ Петербургъ посылать, — не видали тамъ такихъ чушекъ.

— Я съ тобой согласенъ: ретроградъ онъ въ высшей степени...

— Какъ это ретроградъ?

— То есть отсталый человѣкъ, несовременный...

Разговоръ прерывается появленіемъ новаго лица — одной изъ дочекъ «юнаго либерала», бойкой губернской барышни, которую молодежь между собой именovala *Шашенькой*.

— Что, дружокъ?—спрашиваетъ отецъ.

— Я не помѣшала вамъ, папочка...

— Конечно нѣтъ. Присядь-ка къ намъ—потолкуемъ всё вмѣстѣ. Я вотъ севастопольцу-то нашему рассказывалъ, какъ мы съ этимъ крестьянскимъ дѣломъ возились.

— А я къ вамъ съ просьбой, папаша,—познакомьтесь, пожалуйста, съ Неморшанскимъ,—онъ читаетъ лекціи у М-те Мейеръ: пусть у насъ тоже лекцію прочитаетъ.

— Лекціи! браво! отлично! ай да М-те Мейеръ! образованная, умная женщина!

— Только какая она насмѣшница, папочка,—бѣда! ее всё боятся, какъ огня...

— Отъ того, что умна—всѣ дуры и боятся.

— Развѣ всѣ, кромѣ нея, дуры... это обидно, папаша.

— Всѣ наши барыни—дуры, а что изъ васъ, дѣвокъ, будетъ—посмотримъ. Учились-бы уму-разуму у М-те Мейеръ.

— А вѣдь она добрая, даромъ что насмѣшница: въ острогъ сама ходитъ, несчастныхъ утѣшаетъ; говорятъ деньги палачу тихонько даетъ, чтобы преступниковъ легче наказывалъ. Сколько бѣднымъ помогаетъ: сама ѣздитъ, тихонько тоже, — все это посмотреть, кому чего не достаетъ, кто какъ живетъ—и помогаетъ.

— Прекрасная женщина!

— Благотворительное общество хочетъ устроить,—и меня въ члены зоветь...

— За чѣмъ же дѣло? не надо, дружокъ, отъ другихъ отстагать. Жаль, что сами мы раньше не догадались,—предупредить надо бы-

ло, опередить. *Инициативы* въ васъ нѣтъ (Колобродинъ никакъ не могъ справиться со словомъ инициатива: экспроприация ему хоть съ трудомъ, да далась, а побѣдить инициативы онъ никакъ не могъ).

— Да вѣдь прежде объ этомъ не думали, папочка, моды этой не было,—ну, и въ голову не пришло. Лекціи тоже—новая мода, да и съ Неморшанскимъ мы не знакомы, а М-те Мейеръ съ нимъ дружна. Знаете, папочка, за эти лекціи и деньги платять—по полтиннику—эти деньги пойдуть въ пользу бѣдныхъ учащихся.

— Умно, очень умно. Главное современно, прогрессивно, — ну, и умно.

Читатель видитъ, что въ семействѣ Колобродиныхъ бѣсъ поселился прочно, и хозяйничалъ, какъ дома. Какъ-же намъ, занимаясь исторіей замысловатыхъ похождений коварнаго духа, не познакомиться съ этой семьей, видимо одержимой имъ въ сильной степени? Нѣтъ, мы не оставимъ г-на Колобродина, пока не раскусимъ его вполнѣ.

— Я непременно познакомлюсь съ Неморшанскимъ, продолжалъ «юный либераль», — и лекцію устрою, пусть о крѣпостномъ правѣ что нибудь прочитаетъ.

— Да онъ, папаша, у М-те Мейеръ не о крѣпостномъ правѣ читаетъ, а о томъ, какъ земля образовалась...

— Все равно,—значить и о крѣпостномъ правѣ можетъ. Слава богу, что нынѣ и въ нашей глуши просвѣщеніе появляется. Что ты, Петруша, съ учителями гимназіи не познакомишься: мнѣ въ Петербургѣ нѣкоторыхъ очень хвалили,—ну, и съ этимъ, обличителемъ-то, какъ бишь его?.. надо полагать, что человекъ онъ съ современными взглядами,—тогда всѣ накинулись на него. А я и тогда защищалъ его: надо обличать зло, лѣность, невѣжество.

Но Петруши уже не было въ кабинетѣ, а потому Колобродинъ рѣчь свою обратилъ къ Шашенькѣ: «да, другъ мой, надо и вамъ, дѣвкамъ, больше чтеніемъ заниматься, да съ умными людьми сближаться. Что вы цѣлый-то день дѣлаете? Вслухъ бы читали. Женщины могутъ имѣть сильное вліяніе на развитіе общества. Заставили-бы Ольгу вслухъ читать, — что она даромъ хлѣбъ ѣсть, — выкормили, выпоили, воспитали чужую дѣвчонку,—пусть заплатитъ, чѣмъ можетъ. Пусть въ труду приучается. Иди-ка съ богомъ,—мнѣ вотъ заняться надо—проектъ земскихъ банковъ прочитатъ: предводитель просилъ замѣчанія сдѣлать. Самъ-то ни уха, ни рыла не разумѣетъ,—на другихъ хочетъ выѣхать».

Оставшись одинъ, «юный либераль» дѣйствительно принялся за проектъ земскихъ банковъ, въ то время остановившихъ на себѣ всѣ надежды помѣщиковъ, теперь забытый, какъ у насъ забывается все. Но на первой же страницѣ Колобродина одолѣла дремота. Онъ такъ-бы и уснулъ, увидѣвъ хоть во снѣ осуществленіе земскаго банка — конечно въ формѣ странной, неестественной, фантастической, своеобразной съ бѣсовщиной, засѣдавшей въ человѣкѣ, если бы въ кабинетъ не вошла Софья Ивановна. Эта высокая, дородная и некрасивая дама, купческаго происхожденія, по случаю своего капитала, сдѣлалась супругицей Колобродина еще въ то время, когда онъ не былъ не только юнымъ либераломъ, но и баши-бузукомъ, а состоялъ просто юнымъ воиномъ одного изъ российскихъ полковъ. На сей разъ она имѣла на лицѣ какое-то таинственное выраженіе.

— Иванъ Николаичъ!...

— Что тебѣ, другъ мой? А я вотъ зачитался проекта земскихъ банковъ — дѣльно написанъ, а надо многое передѣлать, надо дать болѣе простору частной *иниціативѣ*...

— Брось ты эти глупости. Теперь не до нихъ. Вотъ въ домѣ-то у насъ неладно...

Что такое?

— Ольга... чортъ тебя сунулъ взять чужую дѣвку на воспитаніе.

— Да что случилось-то? умерла что-ли, такъ похоронимъ.

— Умерла! хуже! У ней шуры муры съ Петромъ, — чтобы онъ да жениться не захотѣлъ. Она вѣдь дѣвка смазливенькая, да кокетничать выучилась, завлечетъ, пожалуй. Чего добраго до *того* дойдетъ — родные узнаютъ, такъ и заставятъ жениться. Я давно примѣчаю, что она себѣ на умѣ, плутовка. Благодарности-то отъ нихъ немного увидишь.

— Ахъ, она мерзкая! вотъ поди ты.

— А у насъ свои дочери: забеременить, такъ хорошо-ли... Если замужъ выйти не удастся, такъ нашимъ-то дочерямъ дорогу загородить и насъ осрамить.

— Гадкая! въ такое время, гдѣ бы трудиться, посвятить себя дѣлу какомунибудь, — развѣ ужъ у насъ женщинамъ вовсе закрыть путь труда... Инициативы нѣтъ — и больше ничего.

— Опять понесъ свое... тутъ ужъ этими глупыми разсужденіями не поможешь. Что мы будемъ дѣлать-то?

— Что? прогнать ее, мерзавку, изъ дому воцѣ. То-то Петръ

частенько дома стать оставаться. Погоди же, я ихъ поймаю и раздѣляюсь по-свойски...

— Ты безъ толку не горячись, можетъ быть еще до того и не дошло. Только предупредить надо. Ну, да я приму мѣры.

Хотя домашнее дѣло это и озаботило «юнаго либерала», но, полагаясь на распорядительность своей супруги, онъ продолжалъ разѣзжаться по городу, трактую объ экспроприаціи и инициативѣ, да о проектѣ, который наводилъ на него отчаянную дремоту.

А между тѣмъ Софья Ивановна собиралась провести лѣто на своей загородной усадьбѣ; Петру не говорили ни слова, боясь раздражить храбраго севастопольца и рѣшительнымъ объясненіемъ вызвать его на рѣшительный шагъ, ибо его планы относительно Ольги и смыслъ затѣянной имъ интрижки оставались для родителей пока покрытыми мракомъ неизвѣстности. И потому онъ былъ оставленъ въ городѣ ради компаніи для отца, и такимъ образомъ былъ разлученъ съ Ольгой.

Юный либераль, трактую о трудѣ и тунеядствѣ нашихъ земскихъ владѣльцевъ тѣмъ не менѣе былъ душевно радъ остаться въ городѣ, предоставивъ женѣ наблюденіе за хозяйствомъ. «Я буду изрѣдка пріѣзжать къ вамъ съ Петромъ дня на два, на три: брошу общій взглядъ, дамъ нѣсколько совѣтовъ, а тамъ ужъ вы и ведите дѣло, какъ по писанному, говорилъ онъ: у меня и въ городѣ дѣла не мало: теперь преобразования да проекты разные требуютъ зрѣлаго обсужденія,—тутъ безъ насъ не обойдется, да и необходимо во все вмѣшиваться, инициативу принять, а то, пожалуй, наши простофили надѣлаютъ чепухи такой, что бѣда»... Шашенька и старшая ея сестра уѣхали съ матерью, но имъ были обѣщаны частые отпуска въ городъ для свиданія съ М-ше Мейеръ, и съ «умными людьми»: этихъ людей особаго калибра собственно еще онъ и не видалъ, но Колобродинъ обѣщалъ найдти ихъ и ввести въ свой домъ, чтобы не отстать отъ М-ше Мейеръ, и вообще отъ современности.

Разъ, отдыхая въ деревнѣ отъ любезныхъ толкованій о любезныхъ матеріяхъ (экспроприаціи и проч.), поздно вечеромъ, Колобродинъ, сверхъ своего обыкновенія, по какому-то вдохновенію вышелъ помечтать въ густой, запущенный садъ: обыкновенно же онъ мечталъ, сидя въ мягкихъ креслахъ или развѣлясь на диванѣ.

Вечеръ выдался облачный, темный. Вѣялъ свѣжій вѣтерокъ, коростель гдѣ-то кричалъ, луна выглядывала... ну, и прочее все, какъ слѣдуетъ, такой тонъ носило, что наводило, или, какъ гова-

ривали поэты 20-х годов, питало сладкую задумчивость. Избравъ уединенную скамеечку въ тѣни деревьевъ, облокотясь на костыль и понуривъ голову, «юный либераль» призадумался — только на сей разъ не о проектѣ, а просто на просто о своихъ дѣлишкахъ: мечталось ему мѣсто члена губернскаго присутствія и двѣ тысячи рублей за подписываніе журналовъ, а двѣ тысячи ему очень не мѣшали бы при настоящемъ стѣснительномъ положеніи и — главное — при перемѣнѣ обязательнаго труда на вольнонаемный: «Какъ тамъ ни толкуйте, думалось ему, а все-таки чистѣйшій убытокъ, — не могу я въ толкъ взять, съ какого чорта выдумали, что свободный трудъ производительнѣе обязательнаго, — да вѣдь за обязательный-то я не платилъ, а за свободный плати, — значить и выходитъ чистый убытокъ. Не постигаю. Расходы уменьшить — и подумать нельзя, а доходы уменьшатся неминуемо, — пожалуй, въ результатѣ-то и окажется... какъ бишь его?.. дефицитъ, — да, да дефицитъ!.. Двѣ-то тысячи не мѣшали-бы, ужъ были бы кстати. Это — что?.. Ему послышался шопоть. Да, дѣйствительно шопоть!.. Кто это?.. Ба! Петръ и Ольга. Послушаемъ:

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Пьеръ, такъ обижать меня? развѣ я продажная женщина, что-ли?.. Тагъ-то ты меня любишь... говорилъ, женскій голосъ, заглушаемый рыданіями.

— Эге, да за Петра-то, кажется, нечего опасаться: малой-то просто шутить... подумалъ Колобродинъ, ухмыляясь.

— Я пошутить. О чемъ-же тутъ слезы проливать. Не бѣда, — шепталъ Пьеръ.

— Неужели ты смѣялся надо мной? грѣхъ тебѣ... я бѣдная дѣвушка... неужели ты притворялся...

— Что-же мнѣ прикажешь дѣлать? жениться, съ родными раскориться, съ отцомъ, съ матерью... Если бы я былъ человѣкъ независимый, свое состояніе имѣлъ...

— Я не заставляю тебя жениться... Только не обижай, не бросай меня... не дѣлай этихъ грязныхъ намековъ.

— Что-жъ тутъ грязнаго. Я, напротивъ, хотѣлъ ободрить тебя: меня не будетъ, другой найдется...

— Ради бога, не повторяй этого... Я никакихъ замѣнъ не хочу. Не это ты говорилъ мнѣ... тогда... помнишь... о Господи, Господи... что со мной будетъ?.. Она пуще заливалась слезами.

— Послушай, Ольга: перестань ревѣть: этими трагедіями ты ни-

чего не выиграешь. Пусть, по твоему, это грязно, а я еще разъ скажу: меня не будетъ, можешь рассчитывать на другаго. Въ душѣ ты сама приняла ужь это къ свѣденію, — перестань же трагедію ломать.

— Опять! не говори этого, Бога ради. Знаешь-ли ты, что я беременна... неужели ты и теперь рѣшишься обидѣть меня...

Сердце «юнаго либерала» вскипѣло; онъ не встерпѣлъ и выскочилъ изъ своей засады.

— Ты такъ-то, развратная дѣвчонка! Такъ-то благодаришь своихъ благодѣтелей! домъ нашъ позоришь, сѣти разставляешь... и костыль «юнаго либерала» принялся молотить по спинѣ, по плечамъ, по головѣ воспитанницы. Ольга вскрикнула и упала въ траву.

— Полноте, папенька! перестаньте!

— Хорошо, братъ, и ты! пошелъ съ глазъ долой, — сегодня же въ городъ убирайся, — и носу своего не смѣй сюда показывать! — закричалъ Колобродинъ.

Скандалъ произошелъ полный, блистательный.

На другой день въ домѣ происходило что-то таинственное. Петръ еще въ тотъ-же вечеръ былъ высланъ въ городъ: герой безъ всякихъ признаковъ душевной тревоги, посвистывая, съѣлъ въ тарантасѣ и ускакалъ, даже не повидавшись съ Ольгой. Барышень утромъ отправили куда-то въ гости: «надо, чтобы эти невинныя существа ничего не знали... пусть дыханіе разврата не касается ихъ!» — рѣшили родители. Колобродинъ и Софья Ивановна долго о чемъ-то совѣщались, и послѣдняя, какъ средоточіе распорядительной власти, куда-то посылала свою довѣренную женщину.

Ольга, больная, блѣдная, утомленная, избитая либеральнымъ костылемъ благодѣтеля, одна одинешенька лежала на неопрятной постелѣ въ отдаленной отъ дома банѣ, куда заблагоразсудила сослать преступницу распорядительная власть. Красивое лице дѣвушки опало, поблѣднѣло, кудри перепутались, глаза блуждали безъ мысли, ну, какъ водится, какъ всегда бываетъ съ нашими барышнями въ такихъ случаяхъ: дѣвушка совсѣмъ одурѣла. Избалованная, изнѣженная, привыкшая къ беззаботной жизни губернской барышни, она была поставлена въ тупикъ этимъ неожиданнымъ переворотомъ, этой рѣзкой перемѣной декораций и совсѣмъ потеряла голову. Глупенькая! она даже не понимала хорошенько, права или виновата она, тяготѣетъ ли надъ ней преступленіе, или душа ея чиста и невинна; ей просто было чего-то страшно, очень страшно, какъ ребенку, запертому въ темную комнату

глупой нянькой и совершенно непонимающему, за что и для чего онъ запертъ. Безъ всякой опредѣленной мысли ждала она рѣшешя своей участи и трепетала, тоже безъ всякой опредѣленной мысли. Не желая никомъ образомъ искусственно возбуждать въ читателѣ чувства жалости къ этой барышнѣ, мы безъ обвиняговъ скажемъ: тряпка была эта дряблая дѣвица, и жизнь свою кончить она, какъ подобаетъ тряпкѣ. Вечеромъ, когда сумракъ подернулъ окрестность, когда тѣни спустились въ углахъ почернѣвшей бани, на Ольгу пала, что называется, паническій страхъ, она сунулась головой въ грязную подушку, даже не плакала. Въ это время легко было бы ее съ ума свести или убить, просто какимъ нибудь дикимъ крикомъ. Къ счастью скоро ее навѣстила Софья Ивановна. При скрипѣ двери Ольга еще плотнѣе прижалась къ подушкѣ.

— Что ты, Ольга?—спросила Софья Ивановна.

Тогда только дѣвушка подняла свою голову, схватила руку благодѣтельницы, осыпала ее поцѣлуями, хотя, разумѣется, сама не понимала, съ какой цѣлью это дѣлаетъ.

— Вотъ что, сударыня, сказала рѣзкимъ тономъ Софья Ивановна, ни мало не умиляясь нѣжнымъ порывомъ воспитанницы:—чтобы покрыть твой позоръ, одно средство—немедленно выйдти замужъ.

— Замужъ? Ольга широко открыла свои глаза, — ей не могло въ голову придти иное замужество, какъ за Петра. Глупенькая! способность понимать обстоятельства и соображать смыслъ и направленіе ихъ—въ ней была положительно не развита.

— Да, — за перваго жениха, какой подвернется. Это ты должна сдѣлать и для себя — вѣдь ты нищая, которой завтра же придется съ голоду умереть, если мы тебя выгонимъ; — и для насъ, хоть мы тебя и не учили развратничать, и примѣровъ такихъ у насъ въ домѣ не бывало. У насъ дочери взрослые. Мы тебя облагодѣтельствовали, поили, кормили, одѣвали, — чего это намъ стоило, — не такой благодарности отъ тебя ожидали...

Ольга пуще залилась слезами. У ней не было въ запасѣ никакого отвѣта, никакого возраженія.

— Ты росла у насъ, какъ барышня, работать не умѣешь, въ горничныя идти не захочется, — что будешь дѣлать, а оставить у себя мы тебя не можемъ послѣ такого позора. Да и кто возьметъ съ ребенкомъ...

Ольга молчала.

— У тебя былъ женихъ, — продолжала Софья Ивановна, — ты все капризничала, да привередничала. Теперь не до капризовъ: Сметанинъ возобновилъ свое предложеніе, — надо идти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Мамаша, онъ такой противный, такой гадкій, пьяный...

— Мало чего нѣтъ... А ты что, развратница — и больше ничего, — слава Богу, что онъ тобой-то не пренебрегаетъ... Кто тебя возьметъ съ ребенкомъ-то?

Ольга закрыла лице руками.

— Нечего ужъ тутъ разбирать. Я ужъ распорядилась, чтобы все было готово: черезъ недѣлю свадьба должна быть...

Ольга болѣе не возражала. «Юный либераль» былъ уже въ городѣ въ то время, какъ рѣшалась судьба Ольги. Софья Ивановна скрутила дѣльце живо. Вѣчно пьяный подлекарь, проживающій при помѣщичьей больницѣ въ сосѣдствѣ съ деревней Колобродинныхъ, дѣйствительно изъявилъ готовность жениться на Ольгѣ: ему казались обольстительными двѣсти рублей, которые достались Ольгѣ отъ матери и хранились у Колобродинныхъ, да и на благостыню со стороны благодѣтелей онъ шибко рассчитывалъ. Роднымъ невѣсты было написано, что ей представилась хорошая партія, и потому она выходитъ замужъ за доктора, имѣющаго хорошее частное мѣсто, прося на бракъ родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго: «какъ же можно безъ родительскаго благословенія!» говорила Софья Ивановна, — «да я грѣха этого на душу не возьму... сохрани Богъ!..» Благословеніе получилось: родные Ольги жили въ уѣздномъ городѣ и успѣшили удовлетворить желаніе благодѣтельницы.

Свадебку сыграли скромно, тихо, — и молодые уѣхали въ свое гнѣздо, гдѣ Ольгой овладѣла невыразимая тоска; да и было отъ чего тосковать: бѣдность, нужда, лишенія глянули въ ея избалованные очи, побои посыпались на ея нѣжное тѣло, одиночество томило ся пугливую душу.

— Знаешь, что Ольга-то надѣлала? шептала Шашенька своей старшей сестрѣ.

— Неужели и ты знаешь? спросила эта съ удивленіемъ, воображая Шашеньку глупымъ ребенкомъ, а себя опытной персоной, героиней романа, ожидающаго своего романиста.

— Еще бы нѣтъ. Это ты только меня какой-то дурой считаешь. У нея ребенокъ скоро будетъ. Отъ того она и корсетъ-то перестала носить. Я давно это, гораздо раньше тебя, знала...

— Какъ не раньше!..

— Миѣ Дашка все рассказала.

— Эка, сквернавка! А я еще просила ее не сказыывать тебѣ...
Погоди же она у меня! я ей все косы повыдергаю.

— Это еще что значить? Миѣ не сказывать? Я ужь не ребенокъ,
а тебѣ стыдно и думать о такихъ вещахъ.

— Нисколько не стыдно. Это естественныя науки. Неморшанскій говоритъ, что естественныя науки необходимы для женщинъ, чтобы онѣ хорошими матерями были. Прошло то время, когда насъ можно было обманывать, что дѣти изъ уха выходятъ. Я все знаю, потому что это необходимо и интересно, очень интересно...

— Дура ты, вотъ что... Смотри, чтобы Неморшанскій, объ естественныхъ-то наукахъ толкуя, тово...

— Ну, такъ что жъ? тебѣ, небось, завидно будетъ.

— Нечему завидовагъ, такъ же, какъ Ольгу, въ баню утащатъ, да еще отдубасятъ.

— Я и Ольга большая разница: Ольга приемышь, а я дочь, со мной такъ не стануть обходиться, много, что побранятъ.

— Вотъ поболтай ты это при чужихъ людяхъ, поднимуть тебя на смѣхъ.

Сестры помолчали.

Немного погодя, старшая опять заговорила: «а знаешь ты, Шашенька, чей это ребенокъ?»

— Ха-ха-ха! конечно Ольгинъ, а не твой.

— Ольгинъ-то, Ольгинъ, а еще-то чей?

— Не знаю. А ты?

— Я знаю, да не скажу.

— Голубчикъ, сестрица, душенька, я тебѣ, что хочешь, отдамъ, скажи, милая!

— Нельзя, не скажу.

— Не скажешь; ну такъ и не нужно, я сама узнаю. Погоди же, я припомню тебѣ... отомщу.

— Чѣмъ это?

— Чѣмъ бы то ни было, отомщу.

Пріѣздъ молодыхъ прерываетъ сцену.

Белобродины приняли молодыхъ покровительственно, свысока, но ласково.

— Ты, братъ, пьянствовать-то перестань, говорилъ «юный либераль», похлопывая по плечу Сметанкина. А этотъ господинъ какъ-то неуклюже помѣстился на кончикѣ стула, безпрестанно подергивался и улыбался, изображая на своемъ обрюзгломъ лицѣ полное удовольствіе.

— Ты, Оленька, хозяйствомъ займись, да береги мужа-то, удерживай, женился—перемѣнится, говорила Софья Ивановна не столько ласковымъ, сколько выражающимъ полное самодовольствіе голосомъ. А Ольга такъ похудѣла въ эти дни, такъ много потеряла силъ, что казалась только призракомъ той красивой дѣвушки, которая прежде восхищала молодежь всего города.

Она глядѣла больной накануне смерти, и мы, чтобы покончить съ этой жалкой героиней, ужъ теперь же сообщимъ читателю: черезъ полгода своего замужества она умерла, преждевременно выкинувъ ребенка отъ испуга, когда пьяный супругъ требовалъ у нея денегъ на вино, и грозился спустить ее внизъ головой изъ окна, а денегъ-то у нея даже на обѣдъ не доставало, а окно-то было высоко надъ землей, и выраженіе лица у супруга не предвѣщало ничего хорошаго.

— Какой скверный мужъ у нея! говорила сестра Шашенькѣ, собираясь къ М-ме Мейеръ, которая пригласила барышню на свой литературный вечеръ.

— Да, нельзя влюбиться...

— Неужели-же это она съ нимъ спитъ?..

— Какъ бы не съ нимъ! у нея губа-то не дура, даромъ, что пріемышъ, знаетъ, кого выбрать...

— Кто-жь это? изъ знакомыхъ.

— Даже очень короткихъ...

— Часто я его видѣла?

— Какъ нельзя чаще... каждый день.

— Ну, вздоръ...

— Ты сама цѣловалась съ нимъ...

Шашенька всыхнула.

— Я цѣловалась? Я ни съ кѣмъ не цѣловалась, и надѣюсь, что Ольга не отбила-бы моего возлюбленнаго.

— А съ этимъ цѣловалась—при всѣхъ,—при папашѣ и мамашѣ цѣловалась. Краска негодованія сошла съ невиннаго личика Шашеньки.

— Ахъ, знаю кто,—братецъ любезнѣйшій—надѣюсь, не Алексѣй Иванычъ?

— Больше ни слова не скажу.

— Теперь-то я все поняла, вотъ оно штуки-то какія! то-то его выслали куда-то... Онъ? Петръ?

— Больше ни слова не скажу. Часовъ въ пять Пашенька и «юный либералъ» сѣли въ экипажъ и покатили въ городъ.

IV.

БЪСЪ ВЪ ВЫСОКИХЪ ХОРОМАХЪ.

«Залетѣла ворона въ высокія хоромы».

Вернемся нѣсколько назадъ.

Шибко лило съ крышъ. На страстной недѣлѣ сдѣлалось такъ тепло, что всѣ губернскіе франты облеклись въ легкія весеннія пальто, сбросивъ тяжелыя россомашьи шубы (россомашьи шубы — въ большой модѣ у насъ), а губернскія камелии поспѣшно нарядились въ бурнусы.

Въ четвергъ погода стояла совсѣмъ весенняя. Изъ Екатерининской церкви валила густая толпа, щурясь отъ яркаго солнечнаго свѣта. Въ этой разношерстной толпѣ особенно замѣтно выдавалась одна барыня, которой всѣ дорогу уступали, на которую всѣ съ особеннымъ почтеніемъ взирали. Не мудрено: эта барыня—жена вице-губернатора М-ше Мейеръ. Она женщина не первой молодости, маленькаго роста, худенькая, миниатюрная, живая и граціозная. По лицу видно, что она много жила, много испытала, много перечувствовала. Цвѣтъ кожи утратилъ свѣжесть и нѣжность красокъ,— кое-гдѣ желтыя и синеватыя пятна оттѣняли его и придавали ему болѣзненный видъ; синегато-черные волосы не отличались густотой и пышностью; но особенную красоту этому лицу придавали глаза—

большіе, глубокіе, темные глаза, въ которыхъ отражался живой умъ; взглядъ ихъ — спокойный, сосредоточенный вызывалъ невольную симпатію. М-ше Мейеръ была очень просто одѣта, въ бѣлое платье, безъ всякихъ украшеній, но съ такимъ умѣньемъ, какому могла позавидовать любая столичная львица. У М-ше Мейеръ была *idéе-fixe*, подобная той, которая въ поэмѣ Некрасова «Саша» занимала и мучила героиню и Агарина :

Словно брала ихъ чужая кручина,
 Все разсуждали: какая причина
 Вотъ ужъ который теперяча въкъ
 Бѣдень, несчастливъ и золь человекъ

До сихъ поръ эта «чужая кручина» губернской сановницы ограничивалась однимъ размышленіемъ, что вотъ, дескать, мало на свѣтѣ счастья и довольства, много бѣдности и горя. Теперь въ ея головѣ сверкнула мысль: «помочь бы имъ, защитить бы ихъ!»

Эта мысль не давала покою М-ше Мейеръ. Ни воспитаніе, ни умственное развитіе не приготовили ее къ разрѣшенію такого вопроса, который теперь овладѣлъ ея впечатлительнымъ существомъ. Она никакъ не могла справиться съ одолевавшей ее мыслию, а мысль все-таки не оставляла ее. Думала — и не знала, какъ взяться за дѣло, съ чего начать: «неумѣлая я, неумѣлая, шептала она: что изъ меня сдѣлали!»

Наша сановница захворала, а напряженная мозговая работа все устремлялась на то же. «Посоветоваться бы съ кѣмъ нибудь? но съ кѣмъ? съ Лебедкинымъ? съ Тугоуховымъ? съ Левкинымъ? — они исполнять все, чего я ни пожелаю, безъ возраженія, но посоветовать, придумать что нибудь—на это ихъ не станеть... Надо самой придумывать...»

А свои опыты не удавались и оканчивались плачевными результатами. Замѣтила она, напримѣръ, бѣдное, но чиновное семейство, состоящее изъ вдовы-матери и четырехъ дочерей, лишенное великихъ средствъ, но привыкшее къ довольству; она рѣшилась помочь. Въ именины дочери она сдѣлала именинницѣ подарокъ: портъ-моне съ нѣсколькими золотыми. На другой день мать семейства приходитъ къ ней: «ѣсть нечего»... А подарокъ мой?! «Именины вѣдь: надо было гостей пригласить, закусточку сдѣлать; десертъ, вино, музыка...»

— Развѣ такъ убавишь на свѣтѣ нужду и горе? развѣ такъ при-

бавишь въ мірѣ довольства и счастья? Притомъ одна, только своими средствами?..

Случилось ей доставить другому бѣдному семейству возможность радостно встрѣтить праздниѳъ. Но черезъ недѣлю этому семейству ѳсть было нечего. Много денегъ раздала она нищимъ и сама видѣла, какъ эти деньги уносились въ кабаѳъ. Многимъ бѣднымъ невѣстамъ помогла порядочное приданое приготовить и провести брачный день въ радостномъ созерцаніи красивыхъ платьевъ, приличной мебели, — но черезъ мѣсяцъ эти счастливицы убивались надъ тяжелой работой, которая плохо оплачивалась, или терпѣли побои мужей, неимѣющихъ возможности зашибить денегъ достаточно для двухъ человѣѳъ...

— Знаете что, Анна Петровна, сказалъ ей однажды Лебедкинъ: устройте филантропическое общество для того, чтобы помогать нашимъ бѣднякамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вотъ счастливая мысль! какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? Неумѣлые мы, неумѣлые! По крайней мѣрѣ, не одна буду. Общество можетъ сдѣлать многое... Пай вы, князь, право, пай!..

— То-то же, а вы все браните меня.

И князь былъ счастливъ, что сталъ *наемъ*, и она оживилась, что на счастливую мысль напала.

Началась хлопотня, переговоры, соображенія, толки.

Около этого-то времени въ домѣ М-ше Меѳеръ явились два новыя лица: натуралистъ Неморшанскій, о которомъ мы слышали разсужденія въ семействѣ Колобродиныхъ, бойкій, свѣтскій и ловкій господинъ, и Бѣгуновъ, молодой человѣѳъ, лучшій продуктъ русскаго университета, попавшій въ нашъ городъ въ силу простой случайности, независѣвшей отъ него.

Бѣгуновъ недавно умеръ, измученный тревоженіями своей жизни. Воспоминаніе о немъ еще такъ живо и такой скорбью наполняетъ душу, что мы не только не беремся вызвать изъ могилы эту личность, но чувствуемъ необходимость даже положить перо и прервать на время наше повѣствованіе: очень ужъ грустно становится.

— Нѣтъ-съ, Анна Петровна, я вамъ скажу, есть бѣдняки-горемыки, которымъ ваша помощь нужнѣе, да и пользы-то она принесетъ больше, говорилъ Бѣгуновъ, выслушивая филантропическія мечтанія М-ше Мейеръ: это—учащаяся молодежь. На нее всѣ надежды, она общается новое поколѣніе дѣятелей. Чѣмъ больше будетъ кругъ образованной молодежи, тѣмъ лучше, тѣмъ шире и свободнѣе пойдетъ ея работа. А вы не знаете, съ какими трудами, съ какими лишениями пробиваются эти люди. Иной работаетъ, какъ волъ, а чѣмъ живеть, какъ существуетъ, — это, я вамъ скажу, невообразимо. Только бы за лекціи внести плату, только о томъ и забота, а тамъ живеть, какъ птица небесная!.. Вотъ куда преимущественно надо бы обратить общественную филантропію.

— Это правда. Дѣйствительно, надо хлопотать, чтобы молодые люди не были похожи на своихъ отупѣлыхъ отцевъ...

— Помилуйте, вѣдь такого безлюдья найти нельзя, какъ здѣсь.

— И такъ, программа нашего филантропическаго общества будетъ: бѣдная учащаяся молодежь... Но одними деньгами тутъ еще ничего не подѣлаешь.

— Да, въ этомъ я сама успѣла убѣдиться. Я сама видѣла, какъ денежная помощь шла то на закуски именинника, когда въ домѣ чернаго хлѣба не было, то на кисейныя платья съ воланами, когда бѣлье дырявое перемѣнялось одинъ разъ въ мѣсяцъ, то просто въ кабакъ. . Вещами, хлѣбомъ подавать пособіе, что ли? обѣды даровые устроить для нищихъ?

— Это, я вамъ скажу, опять неразумно: даровые обѣды только увеличатъ численность нищенствующей братіи; даровое все скверно въ нравственномъ отношеніи, а главное—не принесетъ тѣхъ результатовъ, которые вамъ нужны: благоденствія и довольства на бѣломъ свѣтѣ не прибавится.

— Что же дѣлать?

— Да въ чемъ же нуждаются всѣ эти благородные и неблагородные бѣдняки, особенно женщины? — въ трудѣ, который бы хорошо вознаграждался. Ну, и надо приготовить для нихъ трудъ производительный и благодарный, чтобы улучшился бытъ ихъ, но такъ, чтобы этимъ улучшеніемъ они были обязаны своему труду. Въ этомъ случаѣ благотвореніе будетъ вдвое дѣйствительнѣе ужъ потому, что вы ихъ избавите отъ весьма тяжелаго чувства благодарности.

— Объ этомъ надо подумать, да и подумать.

— И подумайте...

— Только безъ вашей помощи тутъ я немного придумаю. Тутъ ужъ вы должны поработать...

— Извольте. На первый разъ вамъ необходимо заняться вотъ чѣмъ: собрать побольше денегъ, чтобы идти къ цѣли не съ голыми руками.

— Да на что же собрать? Надо прежде открыть имъ цѣль, показать всё предположеніе.

— Для чего? на благотвореніе, да и все. Развѣ это дурачье пойметъ чтонибудь? Нечего и толковать съ ними, только тащите деньги, елика возможно. Засѣданія шутовскія можно устроить ради потѣхи, пусть думаютъ, что и головы ихъ бараньи нужны, — этимъ способомъ можно легче тронуть ихъ сердца и кошельки. Можно подписку открыть: это прежде всего. Потомъ лекціи какіянибудь устроить, женщинъ, дѣвицъ притянуть, ну всё и полѣзутъ, чтобы другъ отъ друга не отстать. Да мало ли что можно выдумать. А въ это время мы планъ обдумаемъ — и дѣло пойдетъ въ ходъ.

— Отлично, безподобно!

Стала М-не Мейеръ веселѣе и принялась за работу. Подписка росла. Неморшанскій открылъ въ ея домѣ курсъ лекцій по геологii. Деньги скапливались.

Бѣгуновъ обдумывалъ проектъ мастерскихъ и кассы для пособія учащейся молодежи. Въ то же время былъ составленъ оффиціальнѣйшій проектъ благотворительнаго общества, который предположено прочитывать и обсудить при полномъ собраніи лицъ, изъявившихъ принять на себя званіе и обязанности членовъ: на это обсужденіе и спѣшилъ нашъ знакомецъ — юный либераль Колобродинъ; съ дочкой Шашенькой.

Само собою разумѣется, что обсужденіе состояло изъ шумныхъ, или важныхъ одобреній, да изъ мелкихъ замѣчаній, которыя принимались безспорно.

— Надобно прибавить, что членами общества могутъ быть только лица дворянскаго сословія... замѣтилъ генераль Тугоуховъ.

— Что вы, что вы, Никита Павлычъ! Это несовременно, этого нельзя... отозвался Колобродинъ.

— Теперь все идетъ къ сближенію сословій, а мы будемъ создавать касты! насмѣшливо сказалъ Левинъ.

— Канцелярію надо усилить, секретарю помощника дать... замѣтилъ Деревяшкинъ.

— Это можно...

— Мнѣ кажется, что вмѣсто благотворительнаго—общество лучше назвать филантропическимъ... замѣтилъ князь Долومانъ.

— Дѣйствительно, это будетъ не хуже...

— Не придумать ли какихъ нибудь значковъ для членовъ: звѣзды или кресты какіе нибудь, а то не за что деньги давать... вмѣшался Тугоуховъ.

— Старина, старина! завопили Колобродинъ и Левкинъ въ одинъ голосъ.

Такъ-то устроилось благотворительное общество. Чѣмъ далѣе, тѣмъ многочисленнѣе и богаче оно становилось: барыни не хотѣли отставать отъ М-ше Мейеръ и другъ отъ друга, а за ними тащились и мужчины. Сборъ денегъ шелъ многообразными путями: и подписка состоялась, и базаръ устроился, и лоттерея какая-то разыгралась, и лекціи Неморшанскаго привлекали слушателей... Весь городъ, по видимому, сочувствовалъ начинаніямъ М-ше Мейеръ, ей удалось вызвать въ губернскомъ обществѣ вниманіе къ учащейся молодежи и отчаянную моду на подписки, лоттереи, базары и прочія благотворительныя затѣи, извѣстныя каждому губернскому городу.

Одно только лице съ перваго же раза обнаружило непріязненное отношеніе къ предпріятіямъ нашей сановницы: это «генераль по должности» Г., а отъ него непріязненное отношеніе распространилось на его друзей, которыхъ насчитывалось не мало. Непріязнь Г. особенно усилилась послѣ нѣсколькихъ столкновеній его съ Мейеромъ. Эти столкновенія произошли по части нововведеній и преобразованій, сочиняемыхъ вице-губернаторомъ. Было между двумя тузами три-четыре сшибки, которыя показали публикѣ, что Г. и Мейеръ мѣшаютъ другъ другу. За глаза оба они ругались безпощадно.

— Помилуйте, толковалъ Мейеръ въ кругу Тугоуховыхъ, Левкиныхъ, Колобродиныхъ и тому подобныхъ: какой это представитель дворянства, это кучеръ какой-то, баранья голова, которую начинаютъ Ласточкинъ всякимъ дермомъ, и больше ничего.

— Совершенная баранья голова, балбесъ какой-то... поддакивали Тугоуховы.

— Этотъ Мейеръ съ ума сходить съ своими нововведеніями, трак-

товаль Г. въ кругу Ласточкина и тому подобныхъ: кажется, около этихъ нововведеній онъ просто на престо хочетъ руки погрѣть. А жена его выдѣлываетъ чортъ знаетъ что такое. И это вице-губернаторъ! пустозвонъ и пустоцвѣтъ!.. Ласточкинъ ничего не говоритъ, только лукаво улыбался.

Публика начинала раздѣляться на партіи, но бѣсъ, нашъ знакомецъ, постарался, чтобы большинство было на сторонѣ Мейера.

Доломанъ, пріѣхавшій въ нашъ городъ по какому-то важному порученію, ничего не понималъ, хлопалъ глазами и оставался одинаково полезнымъ членомъ обѣихъ партій, такъ какъ обѣ онѣ считали его своимъ. Хозяинъ его, почтеннѣйшій г-нъ Дьяконовъ, вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней, и смотрѣлъ, какъ бы въ мутной водѣ рыбки половить.

Генералъ Ясинскій долго думалъ, чью бы сторону принять, наконецъ рѣшился — держаться ни туда, ни сюда, выжидать, чья молъ вывезетъ, къ той сторонѣ и пристать. Онъ одинаково таинственно велъ себя и у Г. и у Мейера, каждому твердилъ свое завѣтное: «я полагаю», каждому обѣщалъ содѣйствіе, и каждого готовъ былъ утопить—лишь бы не остаться въ убыткѣ...

Ф. Федоровичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БЪСОВСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ.

(ГУБЕРНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ).

У.

ЗАГОРОДНЫЯ ПРОГУЛКИ БЪСА.

«Ложь есть—и отецъ жки...»

Пріѣзжій генераль былъ очень доволенъ своей квартирой.

— Я полагаю, спрашивалъ его Ясинскій, — вы довольны своей квартирой?

— О, совершенно! со всѣми удобствами квартира... отвѣтствовалъ Доломанъ.

— Довольны-ли вы своимъ помѣщеніемъ? — спрашивалъ Г--въ.

— Вполнѣ доволенъ, Николай Степанычъ! — отвѣтствовалъ Доломанъ съ выраженіемъ душевной умиленности.

Дьяконовъ забавлялъ его своими разсказами и безкорыстной угодливостью. М-ше Дьяконова въ глазахъ Доломана явилась женщиной съ восточными страстями и восточнымъ типомъ: черноглазая, неказистая смуглянка прожгла генеральское сердце пламенными, дикими взорами, огненными порывами отвѣчала на генеральскіе подходы и проч. Къ великому блаженству Доломана, еще и гувернантка Дьяконовыхъ пала ницъ передъ превосходительными комплиментами, а дѣвушка была миленькая, наивненькая, свѣженькая.

— Алексѣй Иванычъ! проси, чего хочешь, — я такъ доволенъ тобой, что отказу тебѣ ни въ чемъ не будетъ! говорилъ Долманъ, лѣниво развалившись на диванѣ.

— Полноте, князь, — намъ отъ васъ ничего не нужно, — мы васъ, однихъ васъ любимъ... отозвалась М-ме Дьяконова.

— О! много чести!.. Я чувствую себя у васъ, какъ дома, какъ въ родномъ семействѣ... Здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ, на меня востокомъ моимъ пахнуло... да, востокомъ!..

— Видите, что не на востокъ только можно пользоваться жизнью, — и у насъ на сѣверѣ люди живутъ, наслаждаются, кейфомъ пользуются....

— О, да, ваши морозы не охладили знойныхъ страстей.. Но все же я хотѣлъ-бы что нибудь сдѣлать для васъ... Чего ты хочешь, Алексѣй Иванычъ... говори!

— Вотъ дуракъ: догадался-бы долги заплатить... подумалъ Дьяконовъ, но не сказалъ этого.

— Мѣсто какое не хочешь-ли получить? говори смѣло — вице-губернаторомъ сдѣлаю!

— Ради бога, князь, не говорите объ этомъ. Мы желаемъ одного только, чтобы вы побыли подольше съ нами, — больше ничего.

— Да, ваше сіятельство, — больше ничего.

— И чего намъ желать? мы всѣмъ довольны...

— Чортъ ее возьми! подумалъ Дьяконовъ, — хорошо довольны, какъ кругомъ въ долгу...

— Мужу обѣщано мѣсто мирового посредника...

— Ну, теперь дѣло заговорила... подумалъ Дьяконовъ — и крякнулъ отъ удовольствія.

— Мирового посредника? О, онъ получить это мѣсто, будьте увѣрены, получить...

— Да, хороши надежды — чуть въ шею не выгнали... подумалъ Дьяконовъ.

— Я переговорю со всѣми, отъ кого это зависитъ: съ губернаторомъ, съ предводителемъ... со всѣми... и мое желаніе исполнять. Въ какой уѣздъ вы желали-бы....

— Въ рябиновскій, ваше сіятельство, въ рябиновскій! послѣшно отвѣчалъ Дьяконовъ.

— Мой мужъ, право, кажется созданъ для этой должности: онъ такъ умѣетъ убѣдить мужиковъ, такъ понятно, ясно все растолкуетъ имъ, что я иногда удивляюсь, откуда что берется... Убѣдить, въ чемъ угодно....

— Это ужъ мое дѣло, ваше сіятельство, — я умѣю уладить. Быть посредникомъ — для меня самая лучшая, самая подходящая дѣятельность. У меня всё грамоты будутъ по обоюдному согласію составлены. Я улажу...

— Уладить, непременно уладить!

— Ну, чего-же лучше! что и требуется...

— Вамъ, конечно, не случилось, ваше сіятельство, имѣть дѣло съ мужичьемъ, — вы не знаете, какъ трудно ладить съ ними, какой талантъ особливый для этого нуженъ. Вотъ недавно...

Но М-те Дьяконова успѣшила прервать своего почтеннаго сожителя:

— Не угодно-ли вамъ кофе, князь?..

— Благодарю васъ, не хлопчите...

— Какіе-жъ тутъ хлопоты; велите, моя милая, подать кофе князю...

Это приказаніе относилось къ гувернанткѣ, которая, не сводя глазъ съ Доломана, сидѣла, прижавшись въ уголокъ. Доломанъ тоже изрѣдка самодовольно поглядывалъ на эту дѣвочку, но далеко не съ той пѣжностью, какъ на хозяйку, въ которой видѣлъ восточный типъ и восточную страстность.

— Добрая дѣвочка у васъ гувернантка! сказалъ онъ.

— Не ска-жу. Она олеγμα, вяла, хладнокровна, какъ рыба, сѣверная натура. А влѣшга-то какая... сухо отвѣчала М-те Дьяконова.

— Неужели?

— Да, злопамятна и капризна, какъ чортъ. Знаете, князь, кого дѣти не любятъ, тотъ человѣкъ нехорошій. Ее дѣти терпѣть не могутъ...

— Представьте, — она на меня по мѣсяцу дуется за какое илбудъ шуточное замѣчаніе, заговорилъ Дьяконовъ, знаешь Катя, — у нея характеръ совершенно противоположный съ твоимъ; ты женщина, *raison*, страстная, ванханга...

— Черкешенка, грузинка! отозвался Доломанъ.

— А между тѣмъ добра и уступчива. Эта-же наоборотъ...

Въ это время доложили, что къ князю прѣхалъ Ясинскій. Тошій чиновникъ съ кошачьей головой вошелъ въ комнату и, не сгибая спины, раскланялся съ присутствующими.

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Что васъ не видать, князь? здоровы ли вы?

— Благодарю васъ. Такъ, въ семейномъ кругу, съ моими добрыми хозяевами, засидѣлся.

— А я къ вамъ сейчасъ съ пожара.

— Пожаръ былъ?

— Да. Наша полиція дѣйствовала прекрасно, но вѣтеръ былъ такой неблагоприятный, что два дома сгорѣли. Инструменты плохи.

— Плохи?

— Да. Теперь у насъ идутъ толки о преобразованіи пожарной части. Составлена комиссія, которой поручено обдумать проектъ новаго устройства пожарной части. Я полагалъ бы, что прежде всего надо инструменты новые завести...

— Новые?

— Да. Я полагаю, что какъ бы эта часть ни была хорошо устроена, безъ пожарныхъ трубъ ничего сдѣлать нельзя...

— Ничего?

— Я такъ полагаю...

Наконецъ почтенному Доломану сдѣлалось стыдно не выразить до сихъ поръ ничего собственнаго. Онъ нѣкоторое время переминался, наконецъ выразилъ такое мнѣніе:

— Хорошо бы въ пожарныхъ случаяхъ, ваше превосходительство, чтобы остановить теченіе пламени, просто ломать три-четыре сосѣдніе дома съ обѣихъ сторонъ, — тутъ ни пожарныхъ трубъ, ничего не нужно, а между тѣмъ огонь будетъ остановленъ, такъ сказать, безъ пици оставленъ...

Ясинскій промолчалъ.

— А что, ваше превосходительство, мировые посредники уже назначены? вспомнилъ вдругъ Доломанъ.

— Нѣтъ, окончательно еще не назначены. Я полагалъ бы, что это дѣло надо предоставить предводителямъ, потому что они всего болѣе знакомы съ здѣшнимъ дворянствомъ.

— Я, ваше превосходительство, хочу... Позвольте мнѣ предложить своего кандидата.

Ясинскій кивнулъ головой, какъ генераль въ шарманкѣ.

— Онъ, ваше превосходительство, созданъ для этого мѣста. Уладить — это его дѣло... Доломанъ припоминалъ выраженія Дьяконова: онъ умѣетъ... это его дѣятельность... онъ тутъ... — Доломанъ запутался вовсе, но потомъ вдругъ спохватился: у него, ваше превосходительство, всѣ грамоты по согласію будутъ... Отличный мировой посредникъ! Я надѣюсь, вы не откажете, ваше превосходительство...

— Я полагаю, ваша рекомендація... Позвольте узнать, кто этотъ кандидатъ?..

— Развѣ я его не назвалъ?.. Дьяконовъ, ваше превосходительство, — онъ, мой хозяинъ, превосходный человѣкъ. Я у него нашелъ себѣ совершенное спокойствіе, — живу, какъ дома. Отличный человѣкъ. Жена его, ваше превосходительство, чистый, кровный азіатскій типъ. Все семейство прекрасное...

Доломанъ даже запыхался, разомъ наговоривши столько.

— Я полагаю, заговорилъ Ясинскій, что ваше желаніе должно быть уважено. Предводитель тоже, вѣроятно, не откажетъ вамъ. Вы не говорили объ этомъ Николаю Степанчу?

— Нѣтъ еще. Но я скажу ему: надѣюсь, что онъ не откажетъ. Я сегодня же увижусь съ нимъ.

Князь, дѣйствительно, въ тотъ же день видѣлся и съ Г—вымъ, и съ другими лицами; всѣхъ просилъ за Дьяконова.

А выборъ мировыхъ посредниковъ былъ дѣломъ не маловажнымъ въ нашемъ городѣ: шуму, толковъ было не мало.

— Мировыхъ посредниковъ намъ надо — людей съ современнымъ взглядомъ на вещи, не крючкотворцевъ какихъ нибудь, — людей гуманнѣхъ, образованныхъ: имъ будетъ принадлежать *ниціатива* сближенія двухъ враждебныхъ сторонъ. Надо свѣжихъ людей, говорилъ Колобродинъ, глубокомысленно склоняя сѣдую голову и опираясь на костыль.

— Непремѣнно, поддерживалъ его Левкинъ, хмурая брови и воображая себя на митингъ московской закваски; это переворотъ, который долженъ поставить совѣмъ въ иныя отношенія крестьянство и дворянство, — сблизить, примирить, связать ихъ узами не насилія, а единодушія и взаимнаго одолженія. Какое же важное значеніе должны имѣть посредники! одно названіе чего стоитъ!

— Дьяконовъ тутъ едва ли годится... прочіе всѣ, но онъ...

— Главное-съ, дѣльныхъ людей тутъ надо; я думаю, заговорилъ Г—въ, — дѣльность, энергія тутъ прежде всего. Дьяконовъ-знаеть дѣло, человѣкъ практическій, не шельганъ какой нибудь. Энергія у него много. А въ то же время и мысли весьма современныя: вотъ онъ надѣется всѣ грамоты по обоюдному соглашенію составить. И сдѣлаеть, потому что съ энергіей человѣкъ.

— А намъ это и нужно: взаимное согласіе, спокойствіе, тишию на... поддержаль Ласточкинъ.

— Князь Долманъ настаиваетъ, чтобы Дьяконовъ получилъ эт-мѣсто, вмѣшался Ясинскій; я съ своей стороны ничего не имѣю противъ Алексѣя Иваныча.

— Ну, это дѣло другое...

Много въ пользу Дьяконова подѣйствовало его рѣшительное убѣжденіе, что въ его участкѣ всѣ грамоты будутъ составлены-и введены въ дѣйствіе по взаимному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, въ чемъ удостовѣряла и М-іне Дьяконова, удостовѣрялъ и князь Долманъ; двое поручителей—дѣло не шуточное.

И вотъ Дьяконовъ — мировой посредникъ, съ цѣпью на шеѣ, и вотъ у насъ новый герой, которымъ мы должны нѣкоторое время спеціально заняться.

Большія надежды возлагались на этого посредника, и не тщетно: идетъ у него дѣло, какъ по маслу.

Вотъ ѣдетъ онъ на парочкѣ въ деревню самого Г—ва, именуюмую Останково, везетъ онъ въ карманѣ уставную грамоту, полученную изъ собственныхъ рукъ его превосходительства, Николая Степаныча, думаетъ онъ крѣпкую думу: «шибко обрѣзалъ генераль мужиковъ, шибко обрѣзалъ, отъ двадцати-то десятинъ да на семь, да девяти-рублевый оброкъ вмѣсто восьми-рублеваго, а вѣдь какъ расписалъ-то: «желая, дескать, устроить бытъ крестьянъ со всевозможными для нихъ льготами, съ пожертвованіемъ собственного интереса, прибавляю имъ по десятинѣ лишней, сверхъ опредѣленнаго надѣла...» Это, говоритъ, меньшіе братья наши, ... гуманность... и все такое... Да, вотъ что-то запоеть эта «меньшая братія?... Еще сдѣлай ему непремѣнно, чтобы крестьяне подписали грамоту, чтобы утверждена была по обоюдному согласію... Проказникъ! . Вотъ тутъ, что хочешь, то и дѣлай, хоть изъ кожи полѣзай... Бѣда!..»

Стоитъ деревенька Останково въ сторонѣ отъ большой дороги, на маленькой рѣчкѣ; покривились избенки, по не богъ знаетъ ужъ

какъ плохи—хуже бываютъ. Только вотъ улица очень грязна: дожди все были, такъ нагрязнило, намочило — боронить совѣмъ несподручно, развело землю—кисель киселемъ. Глухая деревушка Останково, а словечко «воля» и здѣсь прозвучало,—прозвучало и развело толки, да разговоры на эту тему. Вотъ выдался воскресный денекъ, собрались мужики и толкуютъ о новомъ устройствѣ своей жизни.

— Я и говорю, нельзя ли, молъ, батюшка, лугъ-отъ отвести? безъ луга что мы дѣлать будемъ, лошаденки не прокормишь...

— Не прокормишь, извѣстное дѣло...

— То ужъ не прокормишь, и говорить нечего...

— Нельзя безъ луга, никакъ нельзя...

— Сорокъ лѣтъ мы имъ владѣли...

— Ну, стойте, ребята, не перебивайте, дайте ему досказать....

Говори, Макся, говори, что онъ-отъ...

— Нельзя ли, говорю, отвести? мы-ста благодарить будемъ. — Нельзя, говорить,—по положенью, говорить, вамъ пять десятинъ на душу надо отрѣзать,—я вамъ по семи отвожу, больше не могу. Я опять ему это объясняю, что, молъ, ты возьми отъ деревни-то землю за себя, да лугъ-отъ намъ отдай, а лишка намъ не надо,—мы по положенью хотимъ...

Говоря это, Макся, дородный мужикъ, съ широкой свѣтлорусой бородой, обращался не столько къ толпѣ, сколько къ сѣдому старику, сидѣвшему на взъѣздѣ и угрюмо потупившемуся въземлю.

— Ну?

— Нѣтъ, куда тебѣ...

— Хм... не отдастъ... значить, намъ полюбовно съ нимъ не поладить... сказалъ старикъ.

— Вѣстимо, не согласится...

— Надо, значить, черезъ начальство дѣйствовать... даромъ что онъ енераль, а дѣло такое выходить неладное...

— Неладно, совѣмъ неладно...

— Какіе ужъ тутъ лады,—обидно...

— Ты бы, братикъ, такъ и сказалъ, что съ нашей стороны согласья не будетъ...

— Нешто я не сказалъ? не согласится, говорю, наши, потому нельзя, несподручно... «Поразмыслите, говорить, чтобы отъ этого вамъ худа не вышло,—бѣды на себя не накличете. Чуръ, говорить, на меня не пѣняйте...»

— Грозилъ, слышь: онъ, вѣдь, енараль, — съ нимъ, братъ, не пути...

— Пожалуй, ребятушки, чтобы не унекъ.

— Упрячѣтъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

— Чего добраго, у него и въ Питерѣ рука. Вотъ, Миколка, лакейченко, сказывалъ: было у него дѣло, крестьяне тоже не покорствовали, до Питера доходило...

— Опасно, ребятушки...

Старикъ все молчалъ, а тутъ вскинулся:

— Опасно, опасно! передразнилъ онъ, — чорта опасно, — то когда было-то, при царѣ Горохѣ, что-ль? до воли, я чай? Бунтовать мы нешто хотимъ? На то намъ и воля дана: хотимъ, согласимся, а коли обижаютъ насъ — и согласья не даемъ. Не даемъ — и вся не долга. Чего опасаться-то?

— И то, вѣдь, ребятушки, время другое, — воля намъ предоставлена...

— Это знакомое дѣло, что воля дана, — обижать насъ не могутъ...

— Что и говорить — несогласны да и шабашъ, потому согласиться нельзя, невыгодно...

— Нельзя, жить совсѣмъ нельзя, — ужъ какое это житье будетъ...

— Такъ, значить, и скажемъ — согласья не будетъ... Пусть намъ земли хоршей нарѣжутъ, какой прежь сего владѣли... И толковать пусто нечего... заключилъ старикъ, и направился къ своей избѣ. Изба у него была большая, красивая; у избы стояла крѣпкая телега. Молодая баба доила корову у самага въѣзда — сытую и гладкую корову; овцы блеяли въ нижнемъ отдѣленіи избы и просовывали головы въ отверстіе воротъ.

Вслѣдъ за старикомъ разошлась и вся толпа...

Послышался колокольчикъ. Мужикъ, котораго называли Макся, остановился и сталъ прислушиваться.

Это катить нашъ мировой посредникъ Дьяконовъ.

Черезъ полчаса вся деревня зашевелилась. Вѣсть, что *мировой посредственникъ* съ уставной грамотой пріѣхалъ, разнеслась изъ дома въ домъ. А бабъ и ребятъ сильно занимало, что у посредственника золотая цѣпь на шеѣ и золотые очки на носу.

Собрали полный сельскій сходъ въ избѣ, которая оказалась благоприличнѣе и пристойнѣе, чтобы принять господина съ золотой цѣпью на шеѣ.

— Вотъ , ребята, началъ Дьяконовъ,—баринъ вашъ грамоту уставную прислалъ: надо ее вамъ подписать, да утвердить и въ дѣйствіе ввести. Баринъ вамъ добра желаетъ, и противъ положенія по двѣ десятины лишка даетъ,—по положенью тотъ же девяти-рублевый оброкъ назначенъ за пять десятинъ, а онъ вамъ по семи назначилъ. Значить, дѣло такое, что и рассуждать нечего: надо Бога благодарить, да руки прикладывать... Вотъ вамъ статьи Положенія, а вотъ и грамота... читайте!..

Приказаніе относилось къ письмоводителю съ краснымъ носомъ, который (т. е. письмоводитель, а не носъ) проканился, «рякнулъ и прочиталъ—сперва статьи Положенія, относящіяся къ дѣлу, потомъ грамоту.

Мужики упорно молчали. Махся вовсе потупился въ землю, а, знакомый намъ, сѣдой старикъ бороду поглаживалъ.

— Ну, что же, подписывать надо, ребята?.. сказалъ Дьяконовъ. Крестьяне все-таки упорно молчали, изрѣдка только иной крикнетъ.

Дьяконова коробить начинало, онъ нахмурился, притуманился.

— Желаете, что ли, подписывать?

Еще молчаніе—тяжелое, неловкое. Старикъ вскинулъ глазами на мужиковъ и заговорилъ первый:

— Что же молчите, ребята? забыли, что мы толковали промежъ себя?.. Нѣтъ, ужъ, ваше благородіе, подписывать мы не можемъ. Ваша воля, а не можемъ. Противъ Положенія мы ничего не говоримъ, да землю-то не ту намъ баринъ отводитъ. Мы объ этомъ и самому барину сказывали. Въ Положеніи-то сказано то же, что намъ воля предоставлена: хотимъ, подписываемъ, хотимъ—нѣтъ. А насиловать не велѣно...

— Несподручно больно... невыгодно...

— Подписывать мы не будемъ.

— Намъ такой грамоты не надо...

Словомъ, одинъ рѣшительный голосъ, прервавшій молчаніе, вызвалъ полный, общій, дружный протестъ.

— Что? вы не подписываете?! закричалъ Дьяконовъ:—это все эта сѣдая борода васъ мутить?! Хорошо! Какъ тебя?

— Осипъ Ивановъ Корчагинъ...

— Держите двери!.. Постой, голубчикъ, я тебя выучу мужиковъ бунтовать!.. Смотрите же, ребята, будутъ васъ спрашивать о Кор-

чагинъ — всю правду говорите, ничего не утаивайте, чтобы себя бѣды не нажить...

Мужики сильно струхнули, готовы были и отступить, — грамоту подписать, да Корчагинъ не трусилъ: «не бойсь, ребяташки, худого ничего мы не сдѣлали, — нечего намъ и бояться!..»

Въ этой же самой избѣ Дьяконовъ составилъ донесеніе такого содержания: временно-обязанный крестьянинъ помѣщика Г—ва, деревни Останкова Осипъ Ивановъ Корчагинъ *позволяетъ себя толковать въ превратномъ смыслѣ положеніе о крестьянахъ, внушаетъ крестьянамъ, что будетъ другой манифестъ, разстраиваетъ добровольныя соглашенія въ имѣніяхъ Г—ва, Верещагина, Половинкиной, въ коихъ слишкомъ тысяча душъ, — легко можетъ произвести бунтъ.*

Тяжелое впечатлѣніе произвело на деревеньку Останково появленіе земской полиціи, получившей распоряженіе — арестовать крестьянина Корчагина...

Домочадцы старика перепугались и завывли на всѣ голоса: «кормилецъ ты нашъ, на кого ты насъ оставляешь?.. что съ тобой будетъ-то, голубчикъ ты нашъ?..»

Мужики затылки чесали, переминались и бродили, какъ ошпаренные: одинъ видъ земской полиціи внушалъ имъ должныя чувства, а мысль о судѣ просто привидѣніемъ торчала.

Только Корчагинъ былъ бодръ: старику за шестьдесятъ перевалило, жизнь была прожита, — и прожита не легко, не спустя рукава, кровь уходилась и успокоилась давно, разучилась тревожиться, волноваться... «Что вы напугались-то? ну, чего пугаться? ну — разберуть, посудятъ, — смертоубійства никакого не произошло, поволочать — и отпустятъ... Суда не миновать — знакомое дѣло. И раньше того ждать надо было...»

Началось слѣдствіе. Судебный слѣдователь нереспросилъ подъ присягой всю волюсть, многое множество мужиковъ: всѣ показанія были согласны, отчетливы, но отнюдь не подтверждали донесенія нашего героя.

Корчагинъ положительно не сознавался ни въ какихъ толкованіяхъ на счетъ новой воли, и увѣщаніе священника не подѣйствовало, а только удивило старика. Мужики говорили, что не слышали отъ него ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ посредникъ, а грамоты не подписывали по разнымъ причинамъ: одни находили надѣль не под-

ходящимъ, другіе пережидали, когда подпишутъ сосѣди, третья выразили мысль, что впередъ ожидаютъ царской милости о прибавкѣ земли сверхъ надѣла, опредѣленнаго положеніемъ. Многіе Корчагина и въ глаза не знали, а подстрекательствъ и побужденій къ несогласію съ помѣщиками отъ него никто не слышалъ.

— Что за чортъ! — толковалъ слѣдователь, обращаясь къ своему письмоводителю: или мужики мошеники преестествопные, или Дьяконовъ заврался...

— Плуть—народъ, Александръ Ивановичъ,—это вѣрно-съ... говорилъ письмоводитель.

— Но однако, хоть-бы одинъ проговорился, спутался... Вѣдь вотъ они не скрываютъ же, что ждуть кое-что: какая-то деревня, помните, созналась-же въ ожиданіи увеличенія надѣла. Только вліяніе Корчагина отвергаютъ. Иныя деревни его вовсе и не знаютъ, а посредникъ пишетъ, что въ этихъ деревняхъ Корчагинъ полюбовныя соглашенія разстроилъ. Неужели мужики притворяются?

— Плуть—народъ, бываетъ-съ...

— Бываетъ, да не то...

— Вѣдь г. посредникъ говоритъ-съ, что имъ положительно извѣстно...

— Ну, коли ему положительно извѣстно, такъ и спросимъ его, — пусть на факты укажетъ, отъ кого слышалъ о толкованіяхъ Корчагина, какъ узналъ о нихъ и въ чемъ именно замѣтилъ опасное вліяніе его на мужиковъ, угрожающее бунтомъ... Какой тутъ бунтъ: мужики смиреншеньки, какъ бараны... Пусть покажетъ факты, тогда, можетъ быть, и доберемся...

Такъ и поступилъ слѣдователь. Дьяконовъ, получивъ запросъ, обругалъ слѣдователя дуракомъ и свиньей и принялся сочинять отвѣтъ. Послѣ многихъ размышленій нашъ герой сочинилъ бумагу съ такимъ содержаніемъ: кому именно внушалъ Корчагинъ превратныя понятія о Положеніи, я не знаю, но вліяніе, явно нарушающее спокойствіе и поселяющее въ крестьянахъ превратное понятіе о Положеніи со стороны Корчагина, доказывается поведеніемъ Корчагина на сходѣ, гдѣ онъ первый прервалъ молчаніе и сказалъ, что грамота невыгодна; а также это вліяніе доказывается двумя фактами: 1) крестьянинъ деревни Иваново на сельскомъ сходѣ выразился, что не надо подписываться въ крѣпостные (т. е. подъ уставной грамотой) и жить съ помѣщиками въ мирѣ; 2) крестьяне г-жи

Дьяконовой не подписали Грамоты, выразивъ боязнъ опять попасть въ крѣпостныя, *чтобы не было озадковъ.*

«Чортъ знаетъ, что онъ пишетъ! ворчалъ слѣдователь: то знаетъ положительно и подлинныя слова Корчагина приводить въ бумагахъ, а тутъ говорить, что не знаетъ, кому ихъ и говорилъ-то Корчагинъ. Обвиняетъ Корчагина, и рассказываетъ факты о другихъ мужикахъ: какъ-же это относится къ Корчагину, что крестьяне г-жи Дьяконовой боятся озадковъ. Да и боязнъ эта всеобщая, отъ Корчагина — старика нисколько не зависящая! Ссылается на слова старика на сходѣ: да вѣдь онъ на вопросъ отвѣчалъ, и полное право имѣлъ выражать свое согласіе или несогласіе, имѣлъ право даже убѣждать крестьянъ, еслибы это понадобилось, въ силу своихъ собственныхъ интересовъ, какъ членъ схода!»

Такъ разсуждалъ слѣдователь и сдѣлалъ покончить дѣло, изъ котораго ясно, какъ дважды два четыре, можно было видѣть: старикъ Корчагинъ ни въ какихъ провинностяхъ, взведенныхъ на него Дьяконовымъ, ничѣмъ не уличенъ, а на сельскомъ сходѣ говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ было описано нами, то есть совершенно согласно съ правами, дарованными бывшимъ крѣпостнымъ положеніемъ 19 февраля; крестьяне разныхъ деревень, указанныхъ Дьяконовымъ, не подписывали грамотъ большею частью потому, что находили ихъ невыгодными для себя и желали въ нихъ нѣкоторыхъ переменъ относительно надѣла землею; иные же выражали боязнъ, что подписаться подъ грамотой значить снова подписаться въ крѣпостныя, или надежду, что надѣлъ, назначенный положеніемъ, будетъ со временемъ увеличенъ. Они вовсе не скрывали ни своей боязни, ни своихъ надеждъ, но единогласно отвергли всякое вліяніе со стороны Корчагина, а многіе даже вовсе не знали его; нивакихъ признаковъ бунта, предвозвѣщаемаго Дьяконовымъ, не оказалось...

Дѣло поступило въ рябиновскій уѣздный судъ, Корчагинъ попалъ въ острогъ, а крестьяне деревни Останково совѣмъ упали духомъ...

Между тѣмъ утвержденіе уставныхъ грамотъ въ участкѣ Дьяконова быстро двинулось впередъ, и ни у кого изъ посредниковъ не было столько грамотъ, подписанныхъ обѣими сторонами, какъ у нашего героя. Алексѣй Ивановичъ, разъѣзжая по деревнямъ, имѣлъ про- извести впечатлѣніе разсказомъ о судьбѣ Корчагина.

Молва о мытарствахъ, которымъ подвергся старикъ Корчагинъ,

полетѣла далеко и усиливала впечатлѣніе, которымъ Дьяконовъ умѣлъ воспользоваться.

Заѣхалъ нашъ герой и въ Останково, сельскій сходъ собралъ, снова грамоту предложилъ.

— Слышали вы, братцы, гдѣ вашъ Корчагинъ обрѣтается?

— Какъ не слышать, батюшка...

— Мы уже жалѣли старика...

— А что его жалѣть? чортъ ли его совалъ посреднику перечить, съ бариномъ въ ссору соваться. По дѣломъ. То ли ему еще будетъ.

— Помилуй Господи...

— А вамъ жалѣть нечего. Худая трава изъ поля вонъ. Смущать васъ не будетъ, — для васъ еще лучше. Вотъ я опять вамъ грамоту привезъ. Подписывайте-ка, да въ дѣйствіе ее пустимъ. Ну, благослови Господи! — Помялись, помялись мужики, да и подписали грамоту. Подписали, такъ ровпо гора съ плечъ упала: до того времени и подписывать-то не хотѣлось, и страшно-то становилось, — все дѣдушга Корчагинъ мерещился, острогъ, слѣдователь, судъ.

— Будемъ жить какъ нибудь, съ голодухи не помремъ... траговалъ знакомый намъ Махся.

— Знамо, не помремъ. Оно обидно, — ой, какъ обидно, — да ничего не подѣлаешь.

— Плетью обуха не перешибешь.

— Знать, ужъ такова наша планида. Другимъ, такъ не то выпадаетъ, братцы: съ дуру счастье валить. Вонъ на Дудкино баринъ самъ наѣхалъ, — такой, сказываютъ, ручной — просто голыми руками бери. Чего хочешь — того просишь. И живетъ-то у Семена Прохорова въ избѣ съ мужиками за панибрата, никакой гордости, братцы не имѣетъ, такой простой да ласковой, что днемъ съ огнемъ поискать. Земли даетъ, сколько хошь, гдѣ хошь, оброки что ни на есть самые подходящіе назначилъ, — всякія вольготности для крестьянъ дѣлаетъ. Вотъ ужъ, коли не врутъ, добрѣющая душа...

— Поди-ка — ты! эка диковина, ребята.

— И впрямь диковина.

Съ этого времени разговоръ обитателей Останкова становится для насъ особенно интересенъ: намъ сдается, что диковинный баринъ — изъ острѣвшихъ бѣсомъ. Онъ до чрезвычайности занимаетъ насъ, влечетъ къ себѣ неудержимою силою. Послушаемъ, что еще скажутъ мужики.

— Изъ молодыхъ?

— Какое тебѣ! Борода, слышь, густая и съ просѣды. И чудной такой: красную рубаху вдѣнетъ, плисовые штаны и поддевка кучерская, ровно и не баринъ. И говорить таково чудно: по мужицкому што-ли нарывать толковать, — только не такъ, какъ бабе-то говорить...

— Прокурать.

— Ужь такой прокурать, коли не врутъ, что на—поди!..

Изъ одержимыхъ, изъ одержимыхъ, нѣтъ сомнѣнiя! Скорѣй къ нему, въ Дудкино, скорѣй!.. А Останково? неужели его такъ-таки и бросимъ?—Вотъ его обитатели другой разговоръ завели: скоро-ли Корчагина отпустить? спрашиваютъ они другъ друга и тяжело вздыхаютъ, — что-то съ нимъ, горемышнымъ, сдѣлаютъ? Хошь-бы домей-то скорѣе, отпустили!»!

Дудкино мало отличается отъ Останкова: рѣчка, лѣсокъ, кривобокия избенки...

Въ одной избенкѣ, въ лѣтней половинѣ ея, или *горнищѣ*, какъ называютъ мужики, на лавкѣ, за простымъ бѣлымъ столомъ, подложивъ подъ себя подушки, сидитъ почтенный господинъ въ славянофильскомъ костюмѣ. Онъ уже далеко не первой молодости; на затылкѣ свѣтится лысинка; большая, широкая русая борода придаетъ ему много красы; руки его бѣлы и нѣжны; костюмъ щеголеватъ и сшитъ очень ловко, точнѣ для маскарада. Предъ нимъ большой почтовой листъ, на которомъ начато письмо въ Москву—корреспонденция для одной московской газеты.

Въ окошко дуетъ осеннiй вѣтеръ. На улицѣ раздаются блеянье овецъ и крики ребятишекъ, которые дразнить другъ друга: «Сизая ворона!»—«богомазь!»—«Баба!»—«Сидитъ баба на кочкѣ, оскалила зубочки»!

Славянофилъ прислушался и продолжалъ писать: «около меня крики ребятишекъ этого грядущаго поколѣнiя, которое должно возрасти на волю, свободнымъ отъ всякаго гнета, и показать во всемъ величiи, со всею грандиозностью, мощь и силу русской натуры. Сколько нѣтъкости, въ тѣхъ прозвищахъ, которыми угощаютъ мальчишки другъ друга, сколько поэзии въ этомъ лепетѣ, возрастающаго поколѣнiя, — и непрехънная въ бытѣ русскаго люда «пѣсенность», если такъ можно выразиться, неудержимымъ потокомъ прорывается даже тутъ, среди уличнаго ребячьяго крика: одинъ мальчикъ называетъ

другого «бабой» и распѣваетъ: «сидитъ баба на кочкѣ, оскалила зубочки»... Я много говорилъ съ этими ребятами, но—увы! они не вѣрили моей красной рубашкѣ, моей поддевиѣ, моей бородѣ, они знали, что передъ ними «баринъ» — и разговаривали недовѣрчиво, робко, не высказывались, не хотѣли передать мнѣ ни своихъ сказокъ, ни своихъ загадокъ и прибаутокъ. Подслушалъ я, что они прозвали меня «жидконогимъ», и хозяинъ мой, угрюмый, солидный мужикъ, съ которымъ я впрочемъ сблизился, далъ своему сынишкѣ трепку за такое прозвище... Да, между нами и народомъ, нашимъ добрымъ, умнымъ народомъ, лежитъ пропасть, черезъ которую еще не перекинуть мостъ. И когда онъ будетъ перекинутъ?.. Много ли насъ трудящихся надъ постройкой этого моста? Горсть, небольшая горсть, тогда какъ тутъ нужны напряженные усилія тысячи, двухъ тысячъ, больше—десяти тысячъ людей. Я познакомлю васъ съ семействомъ, въ которомъ я поселился и съ котораго началъ мое сближеніе съ народомъ. Сближеніе съ народомъ! великое слово! честь тому, кто первый вымолвилъ это слово!.. Но я удаляюсь отъ предмета моей рѣчи. Въ этомъ семействѣ два хозяина: Семень Прохоровъ—старшой, мужикъ угрюмый, неговорливый, съ острой головой и густыми бровями,—онъ, по видимому, неповоротливъ и лѣнивъ, по работаетъ, какъ волъ: я видѣлъ его за работой—и удивился; мы съ нимъ долго были на церемоніяхъ, его угрюмая натура не поддавалась долго, и много усилій надо было употребить, чтобы вызвать его къ сближенію; мнѣ кажется, что онъ сталъ разговорчивѣе со мной только съ того времени, какъ узналъ, что я по грамотѣ отдаю имъ всю землю, которою они владѣли, хотя земли у нихъ слишкомъ много. Жена его — небольшая, умная, кола-баба, съ сильнымъ вліяніемъ въ семьѣ,—ее зовутъ Агафья, — она все видитъ, все примѣчаетъ и все на усть мотаесть. Второй хозяинъ—меньшакъ Федоръ, здоровякъ съ пудовыми кулаками, съ кудрями, большой балагуръ, хотя, кажется, простоватъ; — ему лѣтъ 20 съ небольшимъ, а онъ ужъ года три женатъ и скромнень, наивнень, какъ дѣвушка. Жена его прелестная бабенка, Дуня, съ такими нѣжными, тонкими чертами лица, что хоть бы барынь природной, — здоровая, веселая, и съ мужемъ, какъ голубка съ голубемъ. Надо вамъ сказать, что Дудинскъ—глухой край, и обитатели его совершенные невѣжды относительно всего остальнаго блага свѣта, кромѣ околodka, особенно молодья бабы, которыя не бывають нигдѣ дальше церкви. Здѣсь да-

же вино мало въ ходу; у моихъ хозяевъ оно бываетъ только два раза въ годъ—въ какіе-то праздники, Федоръ его и въ ротъ небиралъ. У Семена сынишка—мальчуганъ бойкій, долгоносый и великій охотникъ до сахара: чаекъ здѣсь попиваютъ по праздникамъ. Съ Федоромъ я хожу на охоту, слушаю его балагурство и вообще сблизился окончательно»...

— «На сей разъ будетъ!» — воскликнулъ славянофилъ, бросая перо и тяжело вздыхая: «даже усталъ, разомъ отмахалъ круглый почтовый листъ! Пошибъ (на языкѣ бусурманской Европы эскизъ) выйдетъ недурень.... Надо вотъ названіе придумать».... Онъ пробѣжалъ на-скоро все написанное, и вдругъ, ослѣненный блестящей мыслью, сдѣлалъ заголовокъ: «*Опытъ сближенія съ народомъ (Письмо къ И. С. А.)*». Потомъ ему сильно захотѣлось видѣть свою подпись подъ эскизомъ, но эскизъ былъ не конченъ и фамилію подписывать не приходилось, а потому нашъ славянофилъ сталъ разводить на особомъ листѣ на всѣ манеры: Хмѣлевъ, Хмѣлевъ, и разъи ятьдесять—Хмѣлевъ. Начало эскиза, написанное г. Хмѣлевымъ и читателю извѣстное, содержало въ себѣ факты не лживые: дѣйствительно, онъ поселился въ мирной, довольной, зажиточной крестьянской семьѣ, въ которой царствовала тишь да гладь, мужики не пьянствовали и не били бабъ, въ печи часто щи съ говядиной варились, по праздникамъ кипѣлъ пузатый самоваръ; дѣйствительно, хозяинъ его, угрюмый Семень, оттащала своего сынишка за прозвище «жидкопогій», данное барину ребятишками; дѣйствительно, самъ Хмѣлевъ сильно хлопоталъ о сближеніи съ народомъ и даже старался говорить народнымъ языкомъ. Сближеніе это состояло въ томъ, что Хмѣлевъ заводилъ солидный разговоръ съ Семаномъ, заходя къ нему въ избу, или выслушивалъ бывальщины Федора, бродя съ ружьемъ, или шутилъ съ бабами.

— Какъ нонѣ сборъ будетъ, все ведро да ведро стоять, — хоша бы маненько дождичкомъ землю смочило... говорилъ онъ, обращаясь къ Семену.

— На ишло бы дождичка-то .. отвѣчалъ этотъ.

— Вотъ, бабоньки, богу молитесь, чтобы дождичка послалъ...

— Что мы за богомолки, — отвѣчала старшая хозяйка, — молиться, такъ молиться всѣмъ...

— Мужикамъ-то некогда, вамъ слободнѣе.

— Да, какъ не свободнѣе, — вотъ жала день-то депской, всѣ ручки измозолила... заговорила и молодуха.

— Эка нѣженка, — ничего, пройдетъ...

— Она у меня вѣдь барыня, батюшка, — вмѣшался Федоръ, ласково глядя на жену: ручки-то бережетъ, — надо вотъ ей перчаточки завести, какъ ты-то носишь, тагя.

— Смѣйся, зубоскалъ этакой, я вотъ тебя!... Молодка хлопнула мужа по спинѣ и засмѣялась; тотъ схватилъ ее за руки.

— Ну, перестаньте вы, неугомонные! — заговорилъ Семень.

— Дай имъ потѣшиться-то, не мѣшай.

— Что за баловство, — страмота эдакая, — лягутъ спать, такъ натѣшатся. Безстыдники эдакіе!... сердился Семень.

— Экой ты какой монахъ! — подшучивалъ Хмѣлевъ.

— И впрямь — монахъ, — самъ-отъ вѣкъ изжилъ, все въ землю смотрѣлъ и другимъ побаловаться не даетъ, — прямой монахъ, — не будетъ тебѣ и имени другаго, какъ монахъ! — шутила жена.

Бабы додразнили таки мужика до того, что онъ, разсвирѣпѣвъ совсѣмъ, одной зуботычину далъ, другую за двери вышвырнулъ: дивились, что случилось съ мужикомъ, никогда онъ такъ жены не избивалъ, никогда такъ не ругался, какъ въ этотъ разъ.

Съ этого дня въ избѣ каждый день ругань продолжалась; всему причиной былъ «монахъ». Характеръ Семена вовсе перемѣнился: онъ сталъ раздражителенъ, придирчивъ, золь и еще ужаснѣе смотрѣлъ изъ подлобья; Агафья, баба упрямая — уступить не хотѣла, чуть случай представился, и пошелъ «монахъ» на сцену, и расходился Семень.

— Что, Федоръ, на охотку не сходишь ли? говорить Хмѣлевъ.

— Для чего не сходить... отвѣчаетъ Федоръ.

— Выпьемъ водочки, перекусимъ, да и пойдемъ.

— Выпей, батюшка.

— А ты?

— Мы не привышны къ этому, хмѣльнымъ не зашибаемся.

— Напрасно; много не надо, а рюмочку можно и должно, — вино веселитъ сердце человѣка, и въ писаніи такъ сказано. На-ка, хлебни!

— Ни-ни. Почто начинать...

— Полно, баба ты, что ли, — пей на добро... настаивалъ Хмѣлевъ.

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, для меня выпей. Рабочему человѣку нельзя безъ вина, только ибѣру надо знать. Пей, да бывальщину расскажи, а н сбираться стану. Ней же!

— Что въ самомъ дѣлѣ за диковинка, испробуемъ...

— Ты разомъ, однимъ глоткомъ...

Федоръ хлебнуть и наморщился:

— Ухъ, какъ обожгло, знатно!..

— Еще хвати: первая-то рюмка колоть, а вторая сожоломъ.

— Не много ли будетъ для первинокъ-то?.. еказалъ Федоръ, но выпилъ еще. Онъ весь покраснѣлся, глаза заискрились. Двѣ чарки видимо зашумѣли въ головѣ: онъ дѣлалъ уморительныя гримасы, обходился съ Хмѣлевымъ за панибрата и смѣшилъ барина до слезъ... Бывальщины его на этотъ разъ были особенно забавны, хотя языкъ разсказчика заплетался.

Хмѣлевъ хохоталъ до-сыта.

Двѣ недѣли прожилъ онъ въ Дудкинѣ, стараясь сблизиться съ народомъ—и до сихъ поръ скучалъ мало, хотя со дня на день ему видимо надоѣдали разговоры съ Семеномъ, и бывальщины Федора. Съ этого времени интересъ сближенія поддерживался удовольствіемъ подпить Федора, которому видимо понравилось зелено-вино и позабавиться его пьяными балясами. Хмѣлевъ не замѣчалъ раздора, поселившася въ семьѣ, а между тѣмъ раздоръ возрасталъ и отношенія между членами семьи значительно измѣнились.

Надоѣли и новые интересы, а очеркъ былъ не конченъ и срокъ, заданный для сближенія съ народомъ, не миновался. Разъ, около полудня, когда вся семья была на работѣ, кромѣ обряжухи—Дуни, Хмѣлеву стало нестерпимо скучно, хотя онъ и не хотѣлъ въ этомъ сознаться самъ себѣ. Принялся было онъ за продолженіе очерка: «складъ русской семьи, его обычаи...» нѣтъ, ничего не лѣзетъ изъ головы, чертъ его знаетъ, какой онъ тамъ этотъ складъ... Вотъ Дуня самоваръ принесла и поставила на столъ: отъ скуки нашъ славянофилъ запоетъ дуль чай.

— Дуня, иди-ка сюда, попей чайку со мной, что-то скучно...

— Чего вамъ скучать-то; вы баре...

— Эка ты, Дуня, скучно, вотъ одинъ одишенекъ вѣтъ изжи-ваю, какъ былиночка въ чистомъ полѣ, шатаюсь...

— Для чего хозяйку не возьмете?

— Все не правятся мнѣ барышни-то наши. Кабы вотъ такая полюбила, какъ ты, ну, ничего бы.

— Гдѣ ужъ намъ, бабамъ деревенскимъ, съ барышнями равняться. У насъ и лице-то все отъ солнышка сгорѣло.

— Садись-ка сюда, дай хоть рядкомъ съ тобой посидѣть, — вѣдь ты распрасавица...

Хмѣлевъ усадилъ ее подлѣ себя.

— Эка славная баба! Не Ѳедора бы тебѣ любить... Можно тебя поцѣловать?

— Полноте, баринъ, что за поцѣлуй, непривычны мы къ этому. Наши дѣвки съ парнями все щипкомъ, да рывкомъ.

— Ну, такъ и я тебя щипкомъ, говорилъ Хмѣлевъ, трепля ее по щекамъ и цѣлуя.

Душѣ все казалось, что баринъ шутить, но тутъ она вспыхнула и убѣжала.

Хмѣлева не шутя разобрало. Явился новый интересъ въ сближеніи съ народомъ. Охота кончилась, а порціи вина, отпускаемыя Ѳедору, увеличизись, да этотъ и самъ завелъ штопать. Семень скоро замѣтилъ, что меньшакъ сталъ винцомъ зашибаться.

— Смотри ты, Ѳедюха, брось, а не то я тебѣ ребра переломлю...

— Пооди ты къ лекарю, монахъ!

— Поругайся еще. берегись, пока зубы цѣлы.

— Самъ берегись.

— Ахъ, ты пьяница, подлая твоя рожа!

— Ну, проваливай, проваливай, я заравъ барину пожалуюсь.

Семень призатихъ: барина сердить не хотѣлось, — добръ больно и землю всю по грамотѣ отдаетъ — не то, что въ Останковѣ. Дѣлать нечего, приходилось отваливать, да срывать злость на женѣ, или на сынишкѣ. Жена не уступала — и за себя, и за сына умѣла постоять. И затѣвалась кутерьма.

Хмѣлевъ только и дожидался, когда всѣ на работу уйдутъ, останется одна обряжуха. Задумчива и грустна стала Дуна: барскія ласки, барскія сладкія рѣчи, барскіе нѣжные поцѣлуи такъ и мерещились ей, — совсѣмъ не то, что грубая и жесткая ласка мужика... Съ нетерпѣніемъ дожидалась и она, когда останется въ избѣ вдвоемъ съ баринкомъ...

Такъ тянулось дѣло съ недѣлю, пока Хмѣлевъ опять не соскучился. Больше интересовъ не предвидѣлось; итакъ, надѣливъ крестья-

янь двойнымъ количествомъ земли, славянофилъ велѣлъ заложить лошадей въ тарантасъ и сталъ собираться. Вся деревня провожала его. Когда тарантасъ исчезъ между кустами, которые тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги, крестьяне разошлись по домамъ: добрый былъ баринъ, ласковый, а все безъ него какъ-то лучше, легче живетъ, все бѣльмомъ на глазахъ торчалъ. Только Дуня долго сидѣла на взвѣздѣ и тихонько вытирала передникомъ свои красивые глаза.

Все по старому осталось въ Дудкинѣ: тѣ же покривившіяся избы, та же рѣчка съ каменистымъ дномъ, та же земля у мужиковъ, только въ избѣ Семена Прохорова все вверхъ дномъ перевернулось. Угрюмѣ смотреть изъ подлобья Семень и люто посматриваетъ на жену, которая все подсмѣивается надъ нимъ, и начинается у мужа съ женой перебранка, переходитъ она и въ потасовку, а подвернись Семену подъ руку сынишка, и ему вихры натеребитъ. Съ утра хлебнулъ Ѳедоръ и ходитъ на-веселѣ, распѣвая: «Хороша наша кампанья, кто не хвалить, тотъ каналья»; къ вечеру онъ ужъ вовсе дыка не вяжетъ—и ничего не распѣваетъ: слава Богу, что во хмѣлю смиренъ, жены не обижаетъ. А Дуня ходитъ, какъ въ воду опущенная, словно сглазилъ ее кто нибудь: все-то ей противно въ избѣ, мерещатся нѣжныя барскія ласки, сладкія барскія рѣчи, крѣпкіе барскіе поцѣлуи...

Но не пора ли и намъ въ городъ, мы что-то слишкомъ зажились въ деревнѣ...

VI.

звѣй горынычъ и его единобожество съ нашимъ въсомъ.

— Не торопитесь, господа, все будетъ. Мы вѣдь единовѣрцы: я самъ либераль, самъ за свободу и права человѣчества стою. Я съ Громекой былъ коротко знакомъ. Но къ чему горячиться?! Я и Громегъ говорилъ, прямо въ глаза, когда онъ эту исторію съ Ржевусскимъ поднялъ: «вы неправы, мой милый, неправы и неправы! Говорю вамъ: «вы горячитесь...»

— Помилуйте, Евгений Николаичъ, какъ же онъ неправъ быть: Ржевусскій возставалъ противъ гласности, противъ обличенія...

— Позвольте, Иванъ Владиміръчъ, вы знали Ржевусскаго?..

— Нѣтъ...

— А я зналъ.

Такой постоянный разговоръ происходилъ между двумя, вновь пріѣхавшими, лицами: юнымъ бюрократомъ Веселкинымъ, чиновникомъ и любимцемъ губернатора, и новымъ полковникомъ, замѣнившимъ знакомаго намъ Дурмана. Полковникъ на первый взглядъ поражалъ необычайной толщиной, которая показалась странной даже у насъ, при обиліи толстыхъ людей. Выраженіе лица имѣлъ онъ добродушное, нѣсколько пылкое, если такъ можно выразиться, потому что большіе «воспаленные» очи его, казалось, хотѣли выскочить изъ впадинъ; голосъ — глухой, но выразительный и громкій; манеру имѣлъ онъ важную, исполненную достоинства; говорилъ красно и вкрадчиво. Вообще казался человѣкомъ съ достоинствомъ, но добродушнымъ, простымъ и милымъ малымъ. Безцвѣтная, маленькая и глупенькая фигурка Дурмана быстро исчезла изъ памяти обывателей, замѣнившись такимъ тучнымъ и презентабельнымъ субъектомъ. Но М-ше Мейеръ получила о новомъ полковникѣ такую вѣсть изъ Петербурга — отъ лица весьма довѣреннаго и весьма значительнаго: «онъ дескать человѣкъ очень *тонкій*, не смотря на свою *толщину*». Наша сановница, памятуя галамбуръ значительнаго лица, при взглядѣ на новаго полковника, тотчасъ-же дала ему кличку по шерсти: Змѣй Горынычъ. Мы считаемъ удобнымъ сохранить эту кличку за повопрѣзжимъ полковникомъ.

Извѣстно, что страшные тропическіе змѣи обладаютъ особеннымъ свойствомъ — своимъ взоромъ привлекать животныхъ, долженствующихъ сдѣлаться ихъ жертвою. Этимъ свойствомъ обладалъ нашъ Змѣй Горынычъ. Популярность его быстро возростала во всѣхъ кружкахъ; онъ завладѣлъ общимъ довѣріемъ на столько, на сколько это нужно было, чтобы познакомиться основательно съ положеніемъ дѣлъ. Незамѣтнымъ образомъ онъ явился въ роли посредника между партіями, враждующими между собой. Всѣ настоящіе и будущіе, старые и молодые генералы пріѣзжали къ Змѣю Горынычу порознь за совѣтами и наставленіями, и каждый возвращался домой совершенно довольнымъ.

Если правду говорить, то въ Змѣѣ Горынычѣ было то великое

преимущество передъ всѣми этими лицами, что онъ былъ всѣхъ ихъ умнѣе.

Лучшимъ другомъ и помощникомъ Змѣя Горыныча сдѣлался генералъ Г—въ: они сошлись и сблизились, они поняли и оцѣнили другъ друга. Змѣй Горынычъ духомъ выгналъ изъ генерала, такъ сказать выкурить, — бѣса, сильно приволакивавшася за Г—вымъ и уже напустившаго на этого достойнаго мужа своего бѣсовскаго тумана. Случайно, занявъ мѣсто весьма видное и почтенное по выборамъ дворянскимъ, Г—въ начиналъ было трунить надъ своими предшественниками, которые, какъ онъ справедливо замѣчалъ, только небо коптели и въ этой должности цѣнили и соблюдали только титулъ: «ване превосходительство»; онъ начиналъ трунить и надъ разными заведенными изъ поконъ вѣка порядкамъ; вообще обнаруживалъ стремленіе къ отрицанію; онъ покровительственно отзывался о молодежи, о грядущемъ поколѣніи и все намѣревался собрать около себя кружокъ развитой молодежи. Словомъ, бѣсовскія навожденія носились надъ его головой и оцѣняли уже его мозги. Вліяніе Змѣя Горыныча вдругъ открыло очи заблуждавшемуся мужу, стоявшему на краю пропасти. Отчасти открытію очей его способствовало враждебное чувство къ Мейерамъ. А какъ такое же чувство скоро возникло къ этимъ прогрессистамъ и въ Змѣѣ Горынычѣ, то сближеніе между полковникомъ и генераломъ произошло очень скоро. Въ Г—вѣ враждебное чувство возникло сперва просто изъ зависти и тщеславія, что вотъ дескать, куда бы онъ ни сунулся въ губерпскомъ мирѣ, всюду ему Мейеръ поперегъ дороги стоитъ, всюду онъ предупрежденъ, перегнанъ и остается на второмъ планѣ. Вздумалъ онъ съ молодежью сблизиться—куда ему за Мейеромъ гнаться; вздумалъ либерализовать, — слабо и блѣдно выходить въ сравненіи съ Мейеромъ; вздумалъ проектами и преобразованиями заняться, и тутъ столкнулся съ Мейеромъ, который, какъ извѣстно читателю, любилъ то и другое до страсти; на счетъ благотворительности хотѣлъ прогуляться, но въ домъ Мейера уже состоялась благотворительная община и выросла, какъ грибокъ, передъ носомъ Г—ва. Вездѣ отставалъ генералъ и все пуще злобствовалъ противъ Мейеровъ. Змѣй же Горынычъ преимущественно озлобился противъ М-ше Мейеръ: онъ терпѣть не могъ всякаго умнаго человѣка, который своимъ умомъ ослаблялъ его собственную силу, его значеніе.

Тагь-то и сирѣнился ихъ союзъ.

— Помилуйте, Николай Степанычъ, трагедвалъ Змѣй Горынычъ, поствить генерала Г—ва утромъ: нашли кому сочувствовать, мальчишкамъ, выскочкамъ!

— Но... заикнулся было Г—въ.

— Да нѣтъ, лучше не говорите, Николай Степанычъ,—это гнѣздо надо искоренить, всѣ эти коммуны, эти ассоціаціи надо расшевелить. Я за порядокъ голову готовъ положить, и сдѣлаю свое дѣло, сдѣлаю таки, — выкурю эту бѣсовщину преглятую...

— Я думаю...

— Вы не знаете, Николай Степанычъ, что я знаю... Но вы тоже, вѣроятно, слышали, что у М-ше Мейеръ творится? въ домѣ вице-губернатора-то?!

Г—ва всего даже передернуло при воспоминаніи о Мейерѣ.

— Да, проворчалъ онъ, — этотъ Мейеръ — просто выскочка, а жена его — совершенный дьяволъ...

— Именно дьяволъ. Кто у ней первый гость — Бѣгуновъ, мальчишка, говорунъ, у котораго голова, чортъ знаетъ, какими ужасами набита: у ней онъ завтракаетъ, у ней онъ обѣдаетъ, у ней вечера просиживаетъ, внижки ей таскаетъ, дочку учитъ, она ему уроки у знакомыхъ доставляетъ, безъ нея онъ на антоніевской пищѣ сидѣлъ бы, почувствовалъ бы, каково одному на чужбинѣ, безъ родныхъ и друзей, маяться. Она его приголубила, — ну, мальчишка и держится, поди, всякихъ глухихъ фанаберій.

— Онъ, кажется, такой скромный молодой человекъ...

— Николай Степанычъ! въ тихомъ-то омутѣ черти водятся. Я его хорошо знаю. Я съ нимъ нарочно сблизился, — онъ-съ позволяетъ себѣ говорить обо всемъ, не разбирая ни лицъ, ни чиновъ, ни заслугъ, — обо всемъ, и обо всѣхъ разсуждаетъ, да еще какъ! мальчишка лѣтъ двадцати трехъ — и никакой скромности, ни малѣйшаго почтенія къ старшимъ. Это вѣдь не порядокъ. Этими-то занозами порядокъ и нарушается.. Я все досконально провѣдалъ — что онъ, и какъ онъ, и гдѣ онъ бываетъ, и кто у него бываетъ...

— Можетъ быть, тагъ, для препровожденія времени...

— Какое тутъ препровожденіе времени, — въ карты-бы сѣли играть — что-ли, или другое что нибудь придумали, — а то просто толкуютъ... нѣтъ! тутъ дѣло нечисто! штуки!.. А то, что еще:

семинаристы да гимназисты къ нему за книгами гоняются. Кутейники-то! тоже чтеніемъ занимаются! Я и тамъ понавѣдался: кружки тоже, чтеніе, толки, проекты какіе то... Вотъ куда ведутъ, вотъ куда направлены всѣ эти благотворенія, затѣянные М-ше Мейеръ...

Г—ва опять передернуло.

— Всю эту дурь, продолжалъ Змѣй Горынычъ, изъ молокососовъ палками-бы кадо выколотить, а тутъ, по милости этого дьявола, прости Господи,—вошло въ моду какое-то глупое сочувствіе.

— Я согласенъ съ вами. Миѣ съ перваго раза не понравились эти толки: молодежь, да молодежь, учащаяся молодежь, благотворенія разныя, лекціи, книги, — все это не по старому, не по нашему,

— Не въ порядкѣ вещей-съ. У насъ все порядкомъ держится, и мы должны пуще всего за порядокъ держаться.

— Да, да,—это вѣрно.

— Вѣдь, что выдумали: въ молодомъ поколѣніи наши всѣ надежды,—оно намъ свѣту дастъ, — труженики науки, люди со свѣжими силами, — надо вытянуть эту молодежь въ наше общество, сблизиться съ ней... На кой чортъ все это? Мы-то что-же? Служили, служили, а теперь будемъ у молокососовъ всякихъ заискивать: просвѣтите, дескать, насъ! — на изнанку свѣтъ хотимъ выворотить.... тьфу!..

— Чепуха, отчаянная чепуха!

— А вся-то эта молодежь, какъ я досконально съ ней познакомился,—надо было познакомиться, всѣ уши ей прожужжали,—фантазеры какіе-то нечѣпые, мечтатели вздорные. Дай имъ волю — они все вверхъ дномъ поставятъ. Натурально, зазнались,—и глупятъ....

— Просто съ ума посходили. Колобродникъ Иванъ Николаичъ на старости и тотъ—что ни слово—на молодежь сворачиваетъ. Откуда этотъ дурацкій либерализмъ въ нашъ-то дворянскій кругъ заѣхалъ!

— Вотъ подите-съ.

— Отвратительно, возмутительно!

— Прежде всего надо, я думаю, за Мейеровъ приняться: тутъ притонъ всего зла.

— Непремѣнно-съ, Николай Степанычъ.

— Я приготовилъ кое-что...

— Угощеньице для Мейера?—прекрасно... Позвольте полюбопытствовать? Я съ своей стороны посиблю, сколько могу...

— Я хотѣлъ васъ просить объ этомъ.

Г—въ былъ очень доволенъ и спѣшилъ подѣлиться радостью съ Ласточкинымъ, какъ съ лучшимъ другомъ своимъ; Ласточкинъ все зналъ и вѣдалъ до мелчайшихъ подробностей еще ранѣе, но выслушалъ его рассказъ отъ начала до конца, какъ совершенную новость. Таково было положеніе дѣлъ года три спустя послѣ перваго появленія бѣса на нашей почвѣ: Змѣй Горынычъ ему бѣдой грозилъ; бѣсъ видѣлъ это, но не спѣшилъ поджимать хвостъ: а впрочемъ кто разбереть, къ чему клонилъ этотъ проклятый бѣсъ свою лукавую работу.

Шла тайная, подземная работа, но рѣшительнаго разрыва, явнаго, гласнаго еще не послѣдовало. До Мейера доходили слухи объ этой тайной работѣ, прислана была ему даже копія съ одной бумажки, поступившей на него, по онъ, какъ подобаешь истому прогрессисту, геройствовалъ, смѣялся, говорилъ драматическіе монологи въ высокоблагородномъ стилѣ и вообще не хотѣлъ поддаваться внушеніямъ здраваго смысла, ибо бѣсовщина пробрала его до мозга костей. Въ гостинной М-ше Мейеръ собирались всѣ наши тузы, не обнаруживая или стараясь не обнаруживать никакого непріязненнаго чувства другъ къ другу: являлся генералъ Ясинскій со своимъ неизмѣннымъ «я полагаю бы,» являлся Змѣй Горынычъ съ воспаленными взорами и торжественной рѣчью, являлся Тугоуховъ съ унтеръ-офицерской физиономіей, являлся Безпардонный, старый селадонъ, являлся маститый свѣтскій челоувѣкъ александровскихъ временъ, являлся Г—въ съ разсужденіями, взятыми на прогать у Ласточкина, являлся князь Лебедкинъ — сороколѣтній шалунъ, смирившійся подъ вліяніемъ М-ше Мейеръ, являлся пріѣзжій Доломанъ съ готовой глупостью на устахъ. Правда, что взоры Г—ва, встрѣчаясь со взорами Мейера, выражали съ его стороны непреодолимое желаніе — съѣсть врага живьемъ, но рѣшительнаго разрыва долго не происходило. Онъ явился неожиданно, негаданно, и вотъ какимъ образомъ.

Между Ясинскимъ и Г—вымъ приключилась нѣкая размолвка, одна изъ тѣхъ, которыя совершенно характеризуются поговоркой: «милая бранятся, только тѣшатся». Мейеръ въ порывѣ, не то рыцарскихъ чувствъ, не то прогрессивныхъ тенденцій, отправился къ Г—ву. Сперва разговоръ шелъ мирно, но Г—ва сильно подмывало затѣять крупный разговоръ.

— Да что вы не въ свое дѣло вмѣшиваетесь? — сказалъ онъ.

— Какъ не въ свое? Развѣ вы не можете понять, что я добиваюсь только того, чтобы вы не называли бѣлаго чернымъ, а чернаго бѣлымъ...

— Кто же это далъ вамъ право учить меня: хочу называю бѣлымъ, хочу называю чернымъ, — никому отчета не даю и васъ спрашивать не намѣренъ...

— Такая невѣжественная выходка заставляетъ меня, Николай Стенановичъ, удалиться...

— Невѣжественная выходка! Г—въ покраснѣлъ отъ волненія и хватилъ кулакомъ по столу. Я васъ за такую дерзкую выходку...

Но Мейеръ уже былъ въ другой комнатѣ, а на бѣшенный крикъ Г—ва, откуда ни возьмись, выскочила его жена—полная, смуглая барыня съ усиками:

— Другъ мой, успокойся, — тебѣ вредно...

Разрывъ произошелъ окончательный и немедленно отозвался во всемъ обществѣ.

Въ этому-же времени относится полное, откровенное обнаруженіе сего Змѣя во всей его красѣ и силѣ. До сихъ поръ онъ казался на столько ручнымъ, что вызывалъ отъ многихъ довѣріе, котораго онъ такъ добивался. Теперь, избравъ себѣ опредѣленное положеніе въ губернской средѣ и достаточно ознакомившись съ губернской тактикой, не считалъ нужнымъ продолжать быть ручнымъ. Юный бюрократъ и фаворитъ Ясинскаго, Веселкинъ первый завелъ рѣчь о томъ, что при появленіи въ комнатѣ Евгенія Николаевича всего лучше молчать содержаніемъ.

Конечно, со стороны Веселкина это было ничто иное, какъ навъжденіе того-же бѣса, нашего знаконца, и скоро ему пришлось провлинать свои тогдашнія «вольности» (какъ выражаются у насъ).

Всѣ эти «вольности» скоро достигли до ушей Змѣя Горыныча, и Веселкинъ сдѣлался предметомъ ненависти полковника вдвойнѣ: какъ человѣкъ, подрывающій кредитъ его въ обществѣ, и какъ фаворитъ губернатора.

По городу разнеслась ужасная для иныхъ, радостная для другихъ вѣсть: Мейеръ причисленъ къ министерству — «по боку, значитъ», какъ выражаются наши бюрократы.

Въ колокола не звонили, никакого высокаторжественнаго дня не было и никакихъ визитовъ парадныхъ не полагалось, — а въ городѣ

произошло необычайное движеніе: одни радостно разговаривали по знакомымъ, другіе сътованіемъ хотѣли подблизиться, третьи считали необходимымъ просвѣщать, какъ, что и почему, четвертые торопились поразвѣдать кое-что, неизвѣстное имъ, пятые рѣшились по секрету порассказать кое-что, частью имъ извѣстное, частью сочиненное на досугѣ. Экипажи развѣзжались, пѣшеходы сновали, встрѣчались, шептались и расходились. «За что? Можетъ-ли быть? Какъ это случилось?» удивлялись люди добродушные и незнакомые съ полѣткой, люди простые, темные. — «За присутственныхъ мѣста, значить!» — говорили люди, боявшіеся даже вспомнить о постройкѣ присутственныхъ мѣсть. «Съ губернаторомъ не сошелся, — ну, и слетѣлъ!» толковали люди съ административной точкой зрѣнія и пропитанные принципомъ субординаціи.

— «Съ дворянствомъ не поладилъ!» — размышляли люди, видающіе всю суть дѣла въ дворянствѣ и дворянскихъ вопросахъ.

— «Хорошій, добрый человекъ, — такъ злодѣи и подгнопались!» рѣшили лица, облагодѣтельствованные Мейеромъ. — «Это штуки Николая Степаныча, да Змѣя Горыныча!» — смегнули тѣ, которые были хорошо знакомы съ целитивой. — «Долиберальничался!» — молвила молодежь, но она еще не знала, не видѣла, до чего другіе долиберальничаютъ, домелютъ и на кого падеть всею тяжестью это развлеченіе, это стуканье въ пустыя бочки!

У подъѣзда Мейеровской квартиры стояли ряды экипажей, въ домъ его не исчезали посѣтители. Мейеръ горячился и, отчаянно заикаясь, твердилъ съ выраженіемъ негодованія на лицѣ: «со мною сдѣлали интригу: всю грязь, какую могли выкопать, собрали и вылили мнѣ на голову!»

— Это ужасно! несовременно! — шамгаль Колобродинъ: мы не допустимъ этого, — нынѣ не тѣ времена, — такія дѣла не могутъ скрываться во мракѣ, — онѣ должны быть обличены, выведены на свѣтъ божій! неужели и тутъ у насъ не хватитъ инициативы (онъ все еще не могъ справиться съ инициативой)?

— Все общество должно возстать противъ этого... виѣшался князь Лебедкинъ.

— На кого молодежь наша останется...

— Да, это бытъ ея единственный пріютъ. Только здѣсь она могла дышать свободно, не опасаясь...

— Анна Петровна, вѣрите-ли, какъ я услышала объ этомъ, — я

чуть не выкинула,—такъ это меня поразило, — хорошо, что мужъ вошелъ, а то со мной богъ знаетъ что могло сдѣлаться, — вѣдь я послѣднее время хожу... говорила М-ше Кингъ, утирая платкомъ свои очи.

— А я совсѣмъ было умерла, поспѣшила не отстать отъ пріятельницы М-ше Моськина: упала безъ чувствъ—такъ сама и рѣшила, что умерла,—насилу очутовалась!

— Бѣдные-то, бѣдные, что скажутъ...

— Ревуть, рева—ревуть! торопливо и вдохновенно зафантазировала М-ше Моськина: я сейчасъ на улицѣ видѣла—идеть цѣлая толпа—и всѣ ревуть, голосятъ на весь городъ..

— Что такое?—Какже, говорятъ, наша благодѣтельница-то уѣдетъ, на кого она насъ покинетъ?.. Просто ужась, у меня слезы такъ въ три ручья и хлынули!

Длиная фигура и фельдфебельская физиономія Тугоухова выражала необычайный азартъ, и проекты отмищенія—однѣ другаго нелѣпѣ—появлялись изъ устъ сего долговязаго мужа.

— Пошлемъ телеграмму отъ лица всего дворянства, что не можемъ оставаться безъ Ивана Ивановича...

— Да телеграфъ-то не устроенъ, вмѣшался князь Лебединъ.

— Ахъ, чортъ возьми—я и забылъ. Ну, депутацію отправимъ, чрезвычайное собраніе устроимъ.

— Да на чрезвычайное-то собраніе надо еще разрѣшеніе просить.

— Нѣтъ, ужъ надо ѣхать, Никита Павлычъ. Этого поправить нельзя. Ѣхать надо. Не клиномъ свѣтъ сошелся,—гдѣнибудь найдемъ благословенный уголокъ безъ Ослицевыхъ и безъ Змѣевъ Горныхъ... сказала М-ше Мейеръ.

— Ужасно, ужасно! — Тугоуховъ приходилъ въ отчаяніе и рвалъ на себѣ волосы:—какойнибудь Ослицевъ—да пойдетъ въ ходъ ваше названіе, Анна Петровна—напакостилъ, да еще отъ лица цѣлаго сословія, которое ввѣрило ему... чортъ знаетъ что такое!.. Погоди же онъ: придуть выборы—мы ему покажемъ. Теперь его партія сократится. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ...

Хотя въ монологъ Тугоухова проглядывало его грубое, фельдфебельское тщеславіе, но слова его все-таки приходились по сердцу Мейерамъ, и оба они благодарили его взглядами.

Вдругъ долговязаго мужа сего ослѣпила гениальная мысль: «вотъ

случай, мелькнуло въ его головѣ, — усилить нашу партію, — выдвинуться: брату предводительское мѣсто, мнѣ члена губернскаго присутствія, — а человекъ небогатый, — племянникамъ, сыновьямъ — всѣмъ можно будетъ теплыя мѣстечка устроить... Надо хлопотать!..»

— Какъ хотите, Иванъ Ивановичъ, какъ хотите, Анна Петровна, а мы зададимъ вамъ прощальный обѣдъ, — дворянство не потерпитъ, не приметъ на себя того, что сдѣлано какимъ нибудь Ослищевымъ. Чиновники, купцы пристанутъ. Я буду самъ хлопотать и распоряжаться. Устроимъ обѣдъ, какого не бывало въ нашемъ городѣ, въ современномъ духѣ — съ заявленіями: выскажемъ въ рѣчахъ все то добро, которое щедрою рукою изливали вы, Иванъ Ивановичъ, и вы, Анна Петровна. . И въ газетахъ опишемъ...

— Это ужъ ваше дѣло...

— Это до насъ не касается..

Такъ сгорно отвѣчали униженные и оскорбленные прогрессисты, но въ душѣ онѣ давно ожидали этого, въ душѣ только мысля о такой манифестаціи и утѣшали себя отъ неожиданнаго, негаданнаго удара.

— Непремѣнно устроимъ. Сейчасъ-же ѣду хлопотать...

Онъ отправился хлопотать, и хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, который впрочемъ цѣлкомъ долженъ быть приписанъ вовсе не Тугоухову, а все тому-же нашему знакомцу бѣсу: это была послѣдняя его шутка, — бѣсъ не хотѣлъ даже отступить передъ врагомъ — и такимъ страшнымъ врагомъ, каковъ былъ Змѣй Горынычъ, безъ шутики, не пустивши на послѣдокъ пыли въ глаза.

Какъ ни хлопотали Г—въ и Змѣй Горынычъ — и залы-то дворянскаго собранія не давали, и генерала-то Ясинскаго напугали до разстройства желудка, — ничто не помогло, ничего не удалось имъ подѣлать.

— Чортъ возьми, — скрежеталъ Г—въ, сидя въ кругу пріятелей: овацію! рукоплесканія! триумфъ какой-то! И кому же!..

— Ничего, Николай Стенанычъ мы свое взяли, — выкурили эту язву... утѣшалъ его Змѣй Горынычъ.

— Да, какже не ничего! что теперь выборы скажутъ! Конечно, я не искалъ этого мѣста, — мнѣ что: я у себя въ Тролчинѣ королемъ жить, королемъ и буду жить. Но знаете, послѣ всего этого, бывши равъ удостоенъ, и афронтъ... это, это... самолюбіе наконецъ....

— Ириняться, я не предполагалъ, чтобы здѣшнее дворянство. Все точно бѣлены объѣлись...

Видно было, что и Змѣй Горынычъ смущался приготовляемой въ честь Мейера оваціей.

Обѣдъ состоялся въ клубѣ. Уже съѣзжались, съѣзжались экипажи, уже тащились, тащились пѣшеходы. Дѣйствительно, такого обѣда не бывало у насъ—ни раньше, ни послѣ. Обѣдали скромно, благопросто и илотно.

Вотъ поднимается длинновязая фигура Тугоухова, вотъ она поднялась—и уже видна всѣмъ присутствующимъ съ одного конца стола до другаго, вотъ открываются его уста, вотъ они открылись, и среди мертвой тишины раздастся спичъ, твердо на-твердо вызубренный ораторомъ: Тугоуховъ говорилъ общія мѣста, не ссылаясь на факты, о сочувствіи общества къ виновнику торжества. Дѣло для почтеннаго оратора было новое, и потому онъ, видимо, оробѣлъ, струсилъ, голосъ его дрожалъ, очи блуждали, но все это очень шло къ содержанію спича и не портило дѣла. Въ городѣ рассказывали о тѣхъ неимовѣрныхъ трудахъ, которые *перетерпѣлъ* Тугоуховъ, сочиняя свой спичъ, а въ особенности затверживая его наизусть. Сколько газетъ и книгъ перебралъ онъ, отыскивая описанія торжественныхъ обѣдовъ, чтобы прискаты приличные образцы! Говорили, будто онъ, между прочимъ, напалъ на описаніе обѣда въ «Тысячѣ душъ», да оттуда и попользовался лучшими мѣстами для своего перваго литературнаго произведенія. Говорили, будто онъ перевелъ стопу бумаги и дюжину перьевъ изгрызъ. Говорили, будто онъ накануне обѣда прочиталъ спичъ тысяча триста двадцать три раза, потомъ заставлялъ свою еертру Софію спрашивать его наизусть, какъ урокъ, а ложась спать, положилъ рукопись подъ подушку, памятуя съ дѣтства этотъ пріемъ, по увѣренію школьниковъ, весьма способствующій заучиванію уроковъ. Такъ говорили и рѣшили, что «спичъ, его сочиненіе, зубреніе и произнесеніе»—самое великое и длинное дѣяніе изъ всѣхъ дѣяній этого длиннаго и великаго мужа... Однако, какъ подумаешь, сколько сплетенъ-то въ нашемъ городѣ; даже такого человѣка, Тугоухова, и того не пощадили!

Мейеръ, взволнованный до глубины души, произнесъ рѣчь въ благодарственномъ родѣ. Взявъ въ руки бокаль, онъ обошелъ присутствующихъ и съ каждымъ облобызался, не разбирая ни чиновъ, ни лѣтъ: въ городѣ опять-таки рѣшили, что это было самымъ прогрес-

сивнѣйшимъ и трогательнѣйшимъ дѣяніемъ сего прогрессивнаго и трогательнаго героя, такъ что послѣ таковаго дѣянія прогрессу не мѣшаетъ и назадъ поворотить.

Обѣдъ, дѣйствительно, былъ описанъ со всеми [подробностями] и весьма краснорѣчиво только что прѣбывавшимъ юнымъ писателемъ — племянникомъ Тутухова, который выхѣлъ часа четыре надъ листомъ бумаги, призывая на себя вдохновеніе; но юный литераторъ былъ крайне равообижень редакціей Петербургскихъ Вѣдомостей, сильно сократившей его трогательное описаніе и какъ разъ патетическія мѣста, надъ которыми авторъ потѣлъ всего болѣе, — одинъ разъ даже болѣе перемѣнилъ.

Ослищеву грезилы протестаціями.

Сторонники генерала сѣвшили принять мѣры. Одинъ изъ нихъ, при пособіи Ласточкина, придумалъ весьма оригинальный пассажъ: онъ созвалъ къ себѣ человекъ семьдесятъ дворянъ на обѣдъ, а передъ самымъ обѣдомъ, когда уже распространилось благоволеніе вгусныхъ яствъ, вынесъ листъ бумаги и произнесъ такую рѣчь.

«Господа! Трехлѣтняя служба Николая Степаныча показала, какъ вѣрно сдѣланы были нами выборы. Вамъ извѣстно съ какою неутомимой дѣятельностью, съ какимъ благородствомъ, съ какимъ тактомъ несъ онъ свои трудныя обязанности! Заявимъ же ему нашу искреннюю благодарность на семь листъ! Пусть будетъ этотъ листъ вещественнымъ и слабымъ выраженіемъ того невещественнаго чувства признательности, которое согрѣваетъ нашу грудь!» Гости пришли въ немалое смущеніе. «Что жъ это значитъ?» шептались они. «Такъ вотъ за чѣмъ насъ собрали на эту кормежку!» «Какъ бы улизнуть чортъ возьми!» «Каковы штуки!»

— И на кой это чортъ?!

— Это выходитъ, повальный обыскъ, одобряется ли поведеніе Николая Степаныча! съострилъ что-то. Но дѣлать было нечего: составилось письменное одобреніе Г—ва, который могъ этимъ одобреніемъ заткнуть глотку всякому, сомнѣвавшемуся въ чистотѣ и честности его поведенія. На листъ изображалось заявленіе сочувствія и благодарности генералу отъ лица цѣлаго общества: подпись семидесяти лицъ придавала этому смыслъ и силу.

Либералы посмѣялись, посмѣялись надъ «повальнымъ обыскомъ», пошумѣли, пошумѣли, да и призамогли: значить устали.

Въ заключеніе нашего повѣствованія, опуская изъ виду разныя подробности дальнѣйшей дѣятельности Змѣя изъ борьбы его съ нашимъ знакомцемъ — бѣсомъ, мы должны привести одну, ужь совершенно невѣроятную и потѣшную, легенду. Нѣкоторые весьма значительныя и достовѣрныя лица разсказывали, что, возвращаясь поздно ночью, или вѣрнѣе — рано утромъ изъ клуба, они видѣли необычайную процессію: катилась по нашимъ улицамъ фантастическая колесница; въ эту колесницу былъ впряженъ бѣсъ прогресса, — а на колесницѣ воссѣдалъ, пыхтя и поводя воспаленными очами, самъ Змѣй Горынычъ съ преужаснѣйшимъ кнутомъ, — а бѣсъ улепетывалъ въ припрыжку, поджавъ свой хвостъ, опустивъ рога, и бляля онымъ простымъ овечьимъ бляніемъ... Колесница прокатилась отъ центра города къ архангельской заставѣ: здѣсь бѣсъ, собравшись съ силами, оборвалъ постромки и помчался со всѣхъ ногъ къ городу Архангельску, а колесница поворотила обратно. Любопытно бы знать, добѣжалъ ли нашъ бѣсъ до города Архангельска, и если добѣжалъ, то какъ тамъ велъ себя, и чѣмъ кончились его архангельскія похождения?

Такъ прекратилось бѣсовское навожденіе въ нашемъ городѣ:

- И нивѣ все тихо и пусто кругомъ;
- Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ,
- Напрасно пророка о тѣни онъ просить.—
- Его лишь песокъ раскаленный заносить,
- Да воршунъ хохлатый, степной велюдимъ,
- Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ...»

И. Федоровичъ.